

РГБ ОА

18 MAR 1996

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

На правах рукописи

ХАРЧЕВНИКОВА Роза Пюрвеновна

**СИСТЕМА ГЛАГОЛА В СОВРЕМЕННОМ
ЛИТЕРАТУРНОМ КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность: 10.02.16 - монгольские языки

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

доктора филологических наук

Москва 1996

Работа выполнена на кафедре калмыцкого языка Калмыцкого государственного университета.

Научный консультант член-корреспондент РАН Э.Р. Тенишев

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук М.Н. Орловская

доктор филологических наук, проф. Т.С. Есенова

доктор филологических наук, проф. Д.М. Насилов

Ведущее учреждение: Институт лингвистических исследований РАН.

Защита состоится 28 марта 1996 г. в ___ часов на заседании диссертационного Совета ДР 002.17.98 в Институте языкознания РАН (103009, Москва, Б. Кисловский пер., 1/12).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института языкознания РАН (103009, Москва Б. Кисловский пер., 1/12).

Автореферат разослан 27 февраля 1996 г.

Ученый секретарь
специализированного Совета
кандидат филологических наук

З.В. Шевернина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Глагол в калмыцком языке, как и в других монгольских языках - это весьма емкая и в структурном отношении наиболее сложная часть речи, включающая наряду с формами собственно глагола еще и такие глагольные формы, как причастие (П.) и деепричастие (Д.). Он отличается большим количеством форм и разнообразием выраженных в них грамматических категорий. В языкознании сложилось представление, что абсолютной доминантой предложения является глагол (Общее языкознание, 1972: 332; А.А.Холодович, 1979: 123 и др.), поэтому исследование синтаксиса и морфологии глагола, его семантики приобретает особо важное значение.

Реферируемая работа представляет собой первый опыт системного описания глагола и его грамматических категорий на материале калмыцкого языка с частичным привлечением сравнительных данных из других монгольских языков и выполнена на базе выработанных современным языкознанием теоретических основ, научных концепций и методов анализа по изучению частей речи и их грамматических категорий, которые "в своих сложных отношениях друг с другом составляют ядро грамматического строя языка" (КРГ-1989, 14).

Выбор темы обусловлен преобладающим значением глагола в грамматическом строе монгольских языков и постоянной необходимостью нового подхода к изучению языкового материала и рассмотрению его под новым углом зрения... (Э.В.Севортян, 1970: 6; Э.Р.Тенишев, 1973: 119; Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания, 1974) в интересах дальнейшей научной разработки системы глагола в монгольских языках с учетом современного состояния изучения семантико-функциональной стороны языковых явлений.

В лингвистических исследованиях последних десятилетий особое внимание уделяется проблемам семантических закономерностей конкретного языка на разных уровнях, которые выявляются и при изучении грамматических категорий, широко ставятся и проблемы структурно-типологических особенностей языков, позволяющих принять адекватное описание категориальных форм в родственных и неродственных языках.

За время, прошедшее после выхода из печати фундаментального

труда Г.Д.Санжеева (Глагол, 1963), в котором сконцентрирован обширный материал по морфологии глагола во всех монгольских языках, включая и ст.-письм. язык классических памятников, появились специальные исследования, отдельные статьи (и в рамках исследования грамматического строя) и диссертации, посвященные изучению основных грамматических категорий глагола, таких, как модальность (К.М.Черемисов, 1969; З.В.Шевернина, 1974; Г.Ц.Пюрбе-ев, 1977 и др.), время (С.Галсан, 1975; Р.П.Дораева, 1979 и др.), наклонение (Р.П.Дораева, 1980), вид (А.Ш.Кичиков, 1963; Д.А.Алексеев, 1969; М.Д.Онджанова, 1969; Ц.-Ж.Ц.Цыдыпов, 1972; З.В.Шевернина, 1977, 1980; П.Ц.Биткеев, 1983; Г.С.Дугарова, 1991 и др.), залог (Р.П.Дораева, 1983 и др.), а также и нефинитных форм глагола: П. и Д. (Ц.Цэдэндамба, 1970; В.Д.Дамбинова, 1983;

А.Шархуу, 1971; Р.П.Дораева, 1983 и др.). В преобладающем большинстве из них рассматривалась внешняя формально-описательная сторона грамматических категорий глагола, которые оставались в пределах прежней трактовки. При исследовании грамматических категорий не ставились вопросы внутренних связей и взаимодействия между единицами глагольной системы, таких, как соотношение плана выражения и плана содержания категориальных форм, характер противопоставления залоговых, видовых, временных и наклонения формантов в системе соответствующих категорий глагола в монгольских языках, закономерности организации их семантических структур.

В последние десятилетия в монголистике стал актуализироваться вопрос о совершенствовании (об улучшении и обновлении техники и операций) методов лингвистических исследований (Ц.Б.Цыдендамбаев, 1979; Е.А.Кузьменков, 1984; Г.С.Дугарова, 1991 и др.) в этой области. Репрезентативным является обобщающее и целостное исследование Ц.Б.Цыдендамбаевым сложных вопросов развития именных и глагольных грамматических категорий бурятского языка в сравнительно-историческом освещении, анализ их содержания в ряде монгольских языков.

При исследовании грамматических категорий калмыцкого глагола мы исходим из общепринятого определения грамматической категории не как простой абстракции, основанной на совокупности грамматических форм и выражаемых ими значений (Л.В.Щерба, 1928; В.Г.Адмони, 1964; Ц.Б.Цыдендамбаев, 1979 и др.), а строго организованной структуры, в основе которой лежит система оппозиций (Л.С.Зиндер, 1962; Ю.Д.Апресян, 1963; Н.Г.Агазаде, 1965; М.М.Гухман, 1968;

А.В.Бондарко, Л.Л.Буланин, 1967; И.В.Хлебникова, 1969; В.М.Солнцев, 1977 и др.).

Грамматическая категория представляет собой сложную систему взаимосвязанных частей - плана выражения и плана содержания, которые обнаруживаются путем разграничения парадигматического и семантического аспектов грамматических значений (Г.П.Мельников, 1971; Общее языкознание, 1973 и др.). Такое разграничение позволяет видеть в грамматических категориях выражение грамматических значений, находящихся в сопряженном состоянии, т.е. имеющих не только единую форму выражения, но и иерархически организованный семантический потенциал (С.Д.Кацнельсон, 1972; В.Н.Ярцева, 1973; Ю.С.Степанов, 1975).

Категория залога тесно связана со значением переходности и непереходности, категория вида - с категорией времени. Модальное содержание личных форм глагола определяет ведущее положение категории наклонения, которая в ином соотношении ее элементов рассматривается как условие, внутренний контекст реализации значений сопряженных категорий: времени, аспекта и лица (Э.А.Грунина, 1975),

Семантический потенциал форм глагола в силу своей многогранной характеристики имеет развернутую синтагматику. Поэтому изучение парадигматического аспекта названных категорий является исходной посылкой к анализу их синтагматической реализации. Так, грамматические категории глагола различаются по составу охватываемых ими форм: категории вида и залога, а также лексико-грамматическое значение переходности и непереходности присущи всей системе глагола. Другие категории характеризуют не все формы, так категорией наклонения, лица и числа обладают все спрягаемые, так называемые, личные формы глагола, но она отсутствует в инфинитиве, причастиях и дееспричастиях. Категория времени свойственна формам изъявительного наклонения и причастий.

Таким образом, изучение принципов структурной организации и принципов реализации значений грамматических категорий глагола остается актуальным в свете теории типологии грамматических категорий, а также общего и частного значений форм, плодотворно разрабатываемой в современном языкознании (И.И.Мещанинов, 1948, 1972; В.Г.Адмони, 1967; Е.И.Шендельс, 1970; М.М.Гухман, 1968; А.В.Бондарко, 1971; А.А.Холодович, В.С.Храковский, 1978, 1981; Э.А.Грунина, Н.Х.Салехова, 1975; Д.Г.Тумашева, 1985 и др.).

Цель исследования состоит в выявлении семантических закономерностей, создающих сложную по структуре систему калмыцкого глагола и его грамматических категорий. Исследование системы обычно неотделимо от исследования условий ее существования, поэтому основная целевая установка требует специального изучения контекста, его типов, релевантных для реализации значений грамматических форм. В соответствии с поставленной целью потребовалось решение ряда конкретных задач:

1. Постулировать набор грамматических форм, в том числе и нулевых, систем залога, вида, времени и наклонения глагола современного калмыцкого языка, данных А. Поповым, А. Бобровниковым, Вл. Котвичем, Г. Д. Санжеевым, Б. Б. Бадмаевым и др., и рассмотреть под иным углом зрения с применением новых современных операций и компонентов описания, внести коррективы, поправки и уточнения в их содержание:

а) проследить изменения, происшедшие в содержании ряда форм изъявительного наклонения на -а, -дг, -сн (Н. Поппе, 1955: 218; Г. Д. Санжеев, 1963: 195-226);

б) при рассмотрении категории вида перегруппировать и заново охарактеризовать глаголы с видовой семантикой: видовые основы (-чк; -жа, -ча; -с гих; -цха, -цхэ) и видовые значения (-лэ, -д гих, -л);

в) выделить формобразование отпричастных обстоятельственных деепричастий: продолжительного (-сар, -сар), заменного (-хар, -хэр) и целевого (-хар, -хэр);

г) отдельно рассмотреть процесс субстантивации причастий и принять иные установки для их анализа: причастия "обозначают процесс в виде признака предмета, протекающего во времени, и совмещают в себе свойства глагола и прилагательного";

д) традиционное повелительно-желательное наклонение по доминирующей модальной семантике разграничить на повелительное, желательное и предостерегательное наклонения.

2. Описать дистрибуцию грамматического значения категориальных форм глагола в синхронном плане на материале, извлеченном из фольклора, эпоса "Джангар", современной калмыцкой литературы, а также периодической печати и разговорной речи.

3. Выявить взаимосвязь форм внутри рассматриваемых категорий, а также отношения между планом выражения и планом содержания категориальных форм путем разграничения парадигматического и син-

тагматического аспектов грамматического значения категорий залога, вида, времени и наклонения.

4. Провести наблюдения над внутренними связями между категориями глагольной системы: модальности и наклонения, времени и вида, залога и лексико-грамматического значения переходности и непереходности.

5. Исследовать функционирование форм и связанных с ними средств контекста: прежде всего модальные индикаторы, временные локализаторы и аспектуальные спецификаторы (Н.Х.Салехова, 1975) - класс слов, словосочетаний и предложений, характеризующих модальные, временные и аспектуальные значения анализируемых форм; характер отношений между компонентами в залоговых конструкциях, зависящий от значения залоговых форм.

6. Установить функционально-семантический потенциал форм залога, вида, времени и наклонения, исследуя их грамматические значения в морфосемах, от которых отталкивается оппозиция на парадигматической оси, и дистрибутивно обусловленных семах - второстепенных значениях, реализующихся на синтагматической оси.

При решении поставленных задач используются теоретические положения в области модальности и наклонения (В.В.Виноградов, 1975; Совещание по вопросам времени и наклонения глагола в тюркских языках, Баку, 1961; Г.Д.Санжеев, 1963; Ц.Б.Цыдендамбаев, 1979), аспектологии и вида (Б.А.Серебренников, 1960; П.С.Кузнецов, 1961; Ю.С.Маслов, 1984; Н.С.Авилова, 1976; А.Н.Тихонов, 1962 и др.), а также новейшие методы семантико-функционального анализа, разработанные в трудах В.Г.Адмони, А.В.Бондарко, Т.В.Булыгиной, Э.А.Груниной, Д.Г.Тумашевой и др.

Научная новизна и теоретическая значимость работы

Теоретические концепции и актуальные методы исследования грамматических категорий, существующие в современном языковедении, избраны нами как наиболее универсальный принцип исследования системы глагола в калмыцком языке. В работе представлена совокупность перечисленных проблем и делается опыт их комплексного рассмотрения под новым углом зрения - это определяет научную новизну диссертации.

В сравнительно-историческом освещении системы глагола (Г.Д.Санжеев, 1963) и его грамматических категорий (Ц.Б.Цыдендамбаев, 1979) в монгольских языках заложены теоретические основы исследо-

вания поставленных проблем. Однако они не могут быть исчерпывающими и "окончательными" и выдвигают настоятельную необходимость локального, а потому более тщательного и углубленного изучения их в конкретных языках, и этим самым расширить возможности дальнейшего изучения системы глагола в монгольских языках и последующих сравнительно-исторических и структурно-типологических изысканий в этой области.

В результате исследования получены конкретные ответы на поставленные вопросы. В диссертации внимание сосредоточено на изучении грамматического значения категориальных форм калмыцкого глагола, так как они, находясь в сложном взаимодействии друг с другом, формируют систему глагола. При этом автор исходит из внутреннего свойства их противопоставленности в пределах системы. Синтагматический анализ функционирования форм, опирающийся на парадигматическое содержание, позволил выявить семантический потенциал каждой формы и определить ее место в системе названных категорий.

Основной залоговой оппозицией признается противопоставление актива (действит.З.) - пассива (страдат.З.). Производные залогов по своей смысловой близости делятся на соотносительные пары: страдат. и побудит.З., совм. и взаимн.З. Каждый из них противопоставляется исходному в системе залога - действительному залогоу. Современные компоненты описания позволяют выявить заданный парадигматическим рядом характер основных отношений в залоговых конструкциях, определить количество членов (компонентов) и показать, что переориентация направленности действия на подлежащее (носителя глагольного действия) в составе оборота меняет семантику залоговой формы и служит для выражения ею второстепенного значения т.е. употребляется в значении формы, с которой находится в соотносительной паре. Категория залога разработана на основе универсально-типологической концепции залогов и диатез и в рамках семантико-функциональной категории залоговости.

Категория вида в калмыцком языке до сих пор рассматривалась в пределах прежней трактовки, отличалась схематичностью подхода к этому вопросу и укладывалась в рамки четырех противоречивых концепций по определению вида в монгольских языках. Обобщение накопленного материала по этому сложному вопросу, концептуальные положения аспектологии и последовательное применение универсальной методики анализа и классификации видовых образований, предложен

ной Б. А. Серебренниковым, позволили, перегруппировав и заново охарактеризовав глаголы с видовой семантикой, систематизировать категорию вида. На основе обозначения различного характера протекания действия (темпов и кратности совершения действия) все видовые образования по семантике и способу образования классифицированы на виды, выделенные на основе тотального распространения видовых показателей: неопределенный В. (нулевой показатель), законченный В. (-чк), длительный В. (-жа, -ча), кратковременный В. (-с гих) и учащательный В. (-цха); видовые значения - на основе "не тотального распространения видовых показателей", т.е. образования от ограниченного количества глаголов: ритмичности и прерывистой смягчительности (-лз, -хлз), однократности (-д гих), повторности и многократности (-л); способы глагольного действия (аналит. видовые конструкции и синтаксические сочетания со значениями законченности, продолжительности, многократности и т.д.); лексическое видовое значение (сочетание фразовых глаголов со значениями начала, длительности и завершения с соединит., слитн. и разделит. Д.).

Развитие грамматических значений категории времени идет по линии, что каждая форма, обладающая основным категориальным значением: одновременности с МР (наст.вр.), предшествования МР (прош.вр.) и последовательности МР (буд.вр.), в определенных контекстуальных условиях выявляет и второстепенные значения. Исследование устойчивых типов употребления форм времени позволяет в грамматическом описании уточнить названия форм времени, выделить временные разновидности и их типы; создания аналитических временных форм наст.вр. (-а и -дг), прош.вр. (-сн). Категория вида рассматривается в тесной связи с семантико-функциональной категорией темпоральности.

Наклонение также является сложной по своей семантической структуре категорией, что связано с неоднородностью выражаемых формами наклонения семантико-грамматических значений (достоверности, желания и намерения, предостережения), которые соотносятся друг с другом благодаря их общему значению - соотносительности высказывания говорящего с действительностью. Категория наклонения рассматривается в тесной взаимосвязи с категорией модальности - той базой, которая составляет сущность ее грамматического содержания. Противопоставление изъявительного наклонения как нейтральной формы ряду косвенных наклонений имеет следствием выход его отдельных форм в семантическую зону косвенных наклонений (повелительного,

желательного и предостерегательного). Ряд форм изъявительного наклонения на -а,-дг,-сн,-х, называемых причастиями с изъявительной модальностью (в функции предикатива - ГБЯ, 1962: 262, 278), в работе получил иную интерпретацию. Анализ модальных значений и средств контекста позволяет дать иную классификацию традиционного повелительно-желательного наклонения.

Автором пересмотрен и существующий в монголистике традиционный аспект изучения нефинитных форм глагола. Внесено уточнение в определение сущности причастия в современных монгольских языках.

Традиционный аспект изучения причастий таков, что они представлены как глагольные формы со свойством глагола и имени (в позиции определения подобно прилагательным не изменяются ни по падежам, ни по числам; изменяются по падежам, поэтому подобны именам существительным и способны выступать в их различных синтаксических функциях). В настоящей диссертации автор, уделив особое внимание субстантивации причастий - по концепции А.А.Дарбеевой - рассматривает их падежные формы с точки зрения разной степени сдвига в сторону имени существительного и способности выступать в его синтаксической роли: простых (или развернутых) подлежащих, дополнений и обстоятельств и принимает установку последовательного исследования П. как класса слов, обозначающих процесс в виде признака предмета, протекающего во времени и совмещающего в себе свойства глагола и прилагательного. Под иным углом зрения рассмотрены омонимичные причастиям формы наст.вр. на -а, и -дг, прош.вр. на -сн, выступающие в индикативном значении (Н.Поппе, 1955: 218; Г.Д.Санжеев, 1962: 278-279; Т.А.Бертагаев, 1964: 84,96-97,99-100; Р.П.Дораева, 1983: 212-214, 222-223).

Получила развитие и проблема Д. в калм. яз., достаточно противоречивая, как и в других монг. языках. Разряд обстоятельственных Д. дополнен включением в него отпричастных субстантивных форм: продолжительного (-сар), целевого (-хар) и заменного (-хар) Д., которые и отличаются от них тем, что обозначают отношение действий между собой и не присоединяют частиц притяжания, т.е. подверглись лексико-грамматическим модификациям. В результате анализа Д. выявлены и уточнены семантические значения форм, особенности их дистрибуции, способность выражения таксиса (одновременность, предшествование, продолжительность, следование и т.д.) по отношению к основному действию, выраженному глаголом, обусловленность наличия или отсутствия субъекта в Д. обороте и др.

Цель, поставленную нами перед собой в настоящей работе, можно считать на данном этапе исследования системы калмыцкого глагола и его грамматических категорий достигнутой.

Практическая значимость предлагаемого исследования определяется его научной новизной и состоит в том, что основные выводы, содержащиеся в диссертации, могут быть рекомендованы в качестве подхода к исследованию системы глагола при составлении научных и практических грамматик монгольских языков и последующих сравнительно-исторических и структурно-типологических изысканий в этой области; а также учтены в программах и учебниках по современному калмыцкому языку. Возможно также использование материала диссертации в школьном преподавании и вузовской практике - в курсах по современному калмыцкому языку, сравнительной грамматики монгольских языков и контрастивной грамматики калмыцкого и русского языков; при написании студентами курсовых и дипломных работ; в содержании спецкурсов и спецсеминаров.

Апробация основных положений диссертации уже частично осуществлялась: в нормативной грамматике калмыцкого языка, опубликованной в 1983 г., автором написаны разделы: Залоги, Наклонения и Деепричастия (объем 3,5 п.л.); в школьных учебниках по калмыцкому языку для 5-6 класса (1984), для 5 класса (1990), для 6-7 класса (1991); в учебных программах по калмыцкому языку для средней школы (1974, 1977, 1982, 1988, 1991) и для вуза (1973, 1980, 1985, 1990, 1995).

Результаты исследования докладывались на заседаниях кафедры калмыцкого языка КГУ, на ежегодных курсах повышения квалификации учителей родного языка и литературы, на научных и научно-практических конференциях по вопросам изучения и преподавания языков (Элиста - 1972, 1974, 1983, 1985, 1989), на Всесоюзных конференциях (Элиста - 1972, Ашхабад - 1985), на Всероссийской конференции (1993).

Соискатель в течение ряда лет читает спецкурс "Грамматические категории глагола", ведет спецсеминар "Семантика глагола в калмыцком и русском языках" и факультатив "Лингвистический анализ текста".

Диссертация была обсуждена на расширенном заседании кафедры калмыцкого языка (июль, 1995), на заседании сектора тюрко-монгольских языков Института языкознания РАН (январь, 1996).

Основные положения диссертации отражены в научных статьях, в

Грамматике калмыцкого языка (1983), в учебниках для средней школы, учебных пособиях, научных сообщениях и докладах.

Методы исследования. Выбор методов и приемов исследования определяется целью и содержанием конкретных задач работы в целом. Основными методами исследования явились:

1. Оппозитивный метод для изучения грамматического значения форм залога, вида, времени и наклонения на основе их внутреннего свойства противопоставленности в пределах системы.

2. Метод компонентного анализа для прослеживания соотношения плана выражения и плана содержания категориальных форм.

3. Метод семантико-функционального анализа для выявления семантического потенциала категориальных форм в рамках функционально-семантических категорий залоговости, аспектуальности, темпоральности и модальности.

4. Метод непосредственного наблюдения для описания функционирования форм и связанных с ними средств контекста.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, семи глав, заключения, списка условных сокращений и библиографии.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность изучаемой темы, определяются цели, задачи и методы исследования.

Глава 1. Категория залога. Грамматическая категория залога в калмыцком языке, как и в других монгольских языках, свойственна всей системе глагола (глаголов, стоящих вне залога, нет). Залог сложился еще в общемонгольский период (в современных монгольских языках залоговые показатели идентичны, лишь с небольшими фонетическими расхождениями) и поэтому был намечен в самом начале исследований по монгольским языкам.

Теория залога в языкознании имеет длительную историю. Однако в 50-х годах В.Б.Виноградов (1972: 477), в 60-х - Г.Д.Санжеев (1963: 12) отмечали, что учение о залогах до сих пор содержит очень много противоречий и неясностей.

Универсальная теория залога, выдвинутая в советском языкознании в 70-х годах, создана на базе изучения соотношения семантики и синтаксиса в их взаимодействии (Ю.Д.Апресян, 1967; А.А.Холодович, 1979) и, став общепринятой, допускает адекватное описание форм залога в родственных и неродственных языках. В ней наряду с понятием залога используется понятие диатезы - схемы соответствия

между единицами синтаксического уровня (подлежащее, прямое дополнение, косвенное дополнение, глагол-сказуемое и т.д.) и единицами семантического уровня (субъект, объект, инструмент действия и т.д.). Каждая диатеза обозначается специальной глагольной формой, поэтому число залогов равно числу диатез, и залог определяется как "грамматически маркированная в глаголе диатеза" (А.А.Холодович, с. 5-13).

В теории функционально-семантических полей, развиваемой на материале славянских языков, понятийную основу поля залоговости составляет отношение понятия действия к семантическому субъекту и к семантическому объекту (А.В.Бондарко, 1976: 233-234; Л.Л.Буланнин, 1986: 87). Такой же подход наблюдается и в монголистике (Г.Д.Санжеев, Ц.Б.Цыдендамбаев, Р.П.Дораева и др.), но на современном этапе нуждаются в существенном обновлении компоненты его описания. Залог образуется противопоставлением ряда грамматических форм глагола и одновременно их значений, отличающихся друг от друга разной направленностью глагольного действия по отношению к его носителю - субъекту или объекту (А.В.Бондарко, с.3; РГ-80, 613), субъекту-каузатору, субъекту-соучастнику или взаимодействующим субъектам (ГКЯ, 1983: 193), выраженным подлежащим.

Залог формируется средствами морфологии и синтаксиса: залоговая глагольная форма, являясь ядром конструкции, во многом предопределяет ее структуру: количество членов (компонентов, по Г.Д.Санжееву), характер отношений между ними. В калмыцком языке пять залогов: действительный (актив) и морфологически производные от него страдательный (пассив), побудительный (каузатив), совместный (социатив) и взаимный (реципрок).

Направленность и ненаправленность действия глагола по отношению к его носителю, обозначенному подлежащим, выражается по-разному. Основной залоговой оппозицией признается противопоставление актива и пассива. В конструкции актива: *Партизанмуд хортныг диилв - Партизаны победили врагов. Цасн һазр буркв - Снег покрыл землю* - в роли носителя действия выступает субъект, осуществляющий действие (иными словами, действие исходит от субъекта). А в конструкции пассива: *Хортн партизанмудт диилгдв - Враги побеждены партизанами. һазр цаснд даргдв - Земля покрылась снегом* - объект, на который направлено действие (объект подвергается действию). Как видно, в конструкции актива стержнем является глагол действительного З., а в конструкции пассива - глагол страда-

тельного З.

В конструкции побудительного З. - так называемый субъект-каузатор, который понуждает к действию субъект каузируемого действия (деятели), обозначенный дополнением: (Тер) элвз тэвн сээнэ кевуһар бэру-

лж бэаһад (мерэн) тохв (Дж.) - (Он) оседлал (коня), заставив более пятидесяти юношей удерживать его.

В конструкции совместного З. - субъект-соучастник, который совместно с другим субъектом (или несколькими субъектами) выполняет одно и то же действие: (Тедн баатрмудла) ааһ цусан асхлцад... (Они вместе с богатырями) проливали кровь чашами...

А в конструкции взаимного З. - выступают два или несколько взаимодействующих субъекта, выполняющих действие, направленное друг на друга: (Хойр баатр) ...авн авн сегсрлдж йовад... (Дж.) - (Два богатыря) ...хватали и долго трясли друг друга...

В монгольских языках с категорией залога тесно связаны лексико-грамматические разряды переходности и непереходности, активности и пассивности глаголов (Г.Д.Санжеев, с.197-198). В.В.Виноградов отметил, что значение переходности и непереходности глаголов относится к одной из центральных проблем глагольной семантики, "лишь одним краем она затрагивает категорию залога" (с.507), очевидно потому, что на образование залоговых форм в русском языке влияют виды глагола. В монгольских языках, напротив, виды не могут оказывать влияния, потому что образуются от залоговых основ нейтрального вида.

Ц.Б.Цыдендамбаев внес уточнение: "В бурятском языке залогии образуются главным образом от активных глагольных основ, независимо от того, являются ли они переходными или непереходными. Иначе говоря, пассивные по своей семантике глаголы большей частью не принимают залогообразующих суффиксов" (с.85). Таким образом, в образовании производных залогов, представляющих собой вторичные глагольные основы, участвуют как переходные, так и активно-непереходные, и ограниченно - пассивно-непереходные глаголы действительного З., нейтрального или общего вида, не имеющие морфологических показателей.

В побудительном З. все глагольные основы - переходные (вторичные основы от непереходных глаголов становятся переходными); в страдательном З. все основы - непереходные (вторичные основы и от переходных глаголов становятся непереходными). Эта закономерность определяется значением носителя глагольного действия, выраженного

подлежащим: в конструкции побудительного З. субъект-каузатор побуждает к действию субъект каузируемого действия, а в конструкции страдательного залога - объект подвергается действию субъекта (деятеля), выраженного дополнением.

В конструкции совместного З. он является субъектом-соучастником действия, поэтому глагольные основы в нем бывают как переходными, так и непереходными; в конструкции взаимного залога - это взаимодействующие субъекты при условии, если глагольные основы образованы от переходных глаголов. Основы же взаимного залога, образованные от непереходных глаголов, теряют значение взаимности и выступают как формы выражения множественности (Г.Д.Санжеев, с.60; Ц.В.Цыдендамбаев, с.37).

Действительный З. В основе залоговой системы в монгольских языках находятся морфологически исходные формы действительного З. нейтрального вида, имеющие нулевой показатель. Наличие действительного З. отрицается в бурятском языке Ц.В.Цыдендамбаевым (с.4) и Е.А.Кузьменковым - в монгольском языке (1984, 36-37) на основании отсутствия у него собственных регулярных средств выражения. Между тем издавна сложившаяся система залогов в монгольских языках зиждется на центральном противопоставлении актива и пассива, т.е. конструкций действительного и страдательного залогов.

К основам действительного З. в одинаковой мере относятся как переходные, так и непереходные глаголы.

В конструкции действительного З. (актива) субъект действия (деятель) выступает в именительном п. и занимает позицию подлежащего, т.е. носителя глагольного действия, а объект действия выступает в винительном п. и занимает позицию прямого дополнения. Однако переходные глаголы подразделяются на:

1) переходные глаголы, вступающие в залоговое противопоставление актив-пассив, т.е. способные формировать пассивную конструкцию. Здесь совершенно очевидно явление субъектно-объектной обратимости: *Багшнр пленумин шиидвр таасв - Пленумин шиидвр багшнрт таасгдв // Учителя одобрили решение пленума - Решение пленума одобрено учителями;*

2) переходные глаголы, не вступающие в залоговое противопоставление актив-пассив: *керлдх - отчитать, ханх - благодарить, умшх - читать.* Это явление именуется Г.Д.Санжеевым субъектно-объектной необратимостью (1962, 232-233): *Герин ээн гиичнртэн ханад, хаалһднь тэмк белгэв - Хозяин, поблагодарив гостей, дарит им на*

дорожку табак.

В конструкции действительного З. с непереходным глаголом действие концентрируется только в сфере субъекта, выраженного подлежащим, и не распространяется на объект: *Цецен эцэн цаһан һарарн девлин зах арад, арһулхн көндрв (К.А.) - Цецен, тощими бледными руками опустив воротник тулупа, тихо шевельнулся.*

Трактовка Е.А.Кузьменкова, рассматривающая залог как противопоставление класса активных глаголов классу пассивных глаголов на основании реализации ими активной и пассивной диатезы, ссылаясь на наличие в монгольском языке лексического пассива, довольно спорна. Он считает аналогичным лексический пассив непереходного глагола: *Уулэн сүрэг салхинд тасрав - Стадо облаков разорвало ветром* и залоговый пассив переходного глагола: *Уулэн сүрэг салхинд туугдаж яваа - Стадо облаков гонится ветром* (с.61). На наш взгляд, здесь аналогия отсутствует, смысл лексического пассива таков: стадо облаков разорвалось из-за ветра, либо когда был ветер, и салхинд в данном предложении не субъект действия, как в залоговом пассиве (*ветер разогнал тучи*), а обстоятельство (либо причины, либо времени) действия лексического пассива. Мы относим все непереходные глаголы, и с активным, и с пассивным лексическим значением к сфере действительного залога.

В состав действительного З. входят безличные, неопределенно-личные и обобщенно-личные конструкции типа: *Өрлэ киитрв - К утру похолодало. Кечксна хөөң селвг өгдг уга - После содеянного совета не дадут. Дууһар малыг асрхш - Скотину песнями не накормишь.*

Страдательный З. Глаголы страдательного З. образуются посредством аффикса *-гд-, -д-*, присоединяемого к основам переходных, а в отдельных случаях и активно-непереходных глаголов действительного З.: *диилгдх (от диилх) - быть побежденным, көөгдх (от көөх) - быть гонимым; йовгдх (от йовх) - быть вынужденным идти.* Морфологическая регулярность пассива от переходных глаголов в монгольских языках бесспорна, так как "в страдательном залоге объект транзитивного глагола представляется субъектом" (А.Потебня, 1977: 260). В конструкции пассива действие страдательного З., выраженного в первичной глагольной основе, направлено на объект действия в роли носителя глагольного действия, и он подвергается действию субъекта (деятеля), выраженного дополнением в форме дат.-мест. и орудн.п.

Конструкция страдательного З. может быть трехчленной. Она со-

относится с конструкцией действительного З., глагольная основа которого способна вступать в залоговое противопоставление, и это возможно благодаря наличию субъектно-объектной обратимости, когда носитель глагольного действия - подлежащее может быть субъектом в активе и объектом в пассиве. Г.Д.Санжеев назвал ее "полной степенью страдательного оборота" (с.45), в глаголе которого преобладает значение действия.

В монгольских языках обозначение реально действующего субъекта, одушевленного и неодушевленного, при глагольной основе страдательного З. в форме дат.-мест.п. является наиболее распространенным: *Шин ирсн директор Адучд таасгдв* (Б.А.) - *Новый директор понравился Адучи. Махлань тедүкнд цаснд даргдсн кевтна* (З.т.) - *Шапка его лежит вблизи, покрытая снегом.*

Неодушевленный субъект действия нередко может быть выражен и формой орудн.п.: *Хаврин хулар угадсн, хээртэ мину* (К.С.) - *Весенним дождем омытая, любимая (степь).*

В отдельных случаях в пассивной конструкции субъект действия отсутствует, опущен, но он легко восстанавливается из контекста: *Мел эн кевута кезанэ таньл болж медадв* (Б.А.) - *Показалось, что давно знакома с этим юношей (из контекста следует Делад - Деле).*

Конструкция страдательного З. может быть двучленной, в ней сохраняется отношение только действия и объекта, а субъект полностью отсутствует и не восстанавливается.

1). В калмыцком языке одушевленный субъект в пассивной конструкции не обозначается орудн.п.: *Лекц умшгдв* - *Лекция прочитана. Тер тавгдв* - *Вопрос поставлен.* Однако обозначение одушевленного субъекта действия возможно в разговорной речи, очевидно, под влиянием модели отношений в конструкции пассива в русском языке: *Лекц профессорар умшгдв* - *Лекция прочитана профессором. Тер фермермудар тавгдв* - *Вопрос поставлен фермерами.* А в монгольском и бурятском языках обозначение субъекта действия в орудн.п. в конструкции пассива возможно (Г.Д.Санжеев, с.49; Ц.Б.Цыдендамбаев, с.101).

2). Если субъект действия (деятель) не обозначен и не находится в конструкции специального выражения, и наличие его не вытекает из контекста, то действие представляется как бы совершающимся само собой: *...хуучн шавнь секгдэд...* - *Вновь открылась старая рана; ...һарсн өдр темдгдгдлэ...* - *отмечался день рождения...* В формах глагола, образованных от переходных глаголов, не вступаю-

ших в залоговое противопоставление актив-пассив, преобладает значение состояния. Здесь налицо явление субъектно-объектной необратимости.

3). Пассивные двучленные конструкции с отношением субъектно-объектной необратимости нередко соотносятся с неопределенно-личными конструкциями, входящими, как правило, в сферу действительного З.: *Делгурт шин эд-тавр хулдэджана = Делгурт шин эд-тавр хулджана // В магазине продаются новые товары = В магазине продают новые товары.*

Таким образом, вывод Ц.Б.Цыдендамбаева, что в монгольских языках такого типа двучленные конструкции "столь же давние, сколько сам страдательный оборот" (с.104), опровергает утверждение Г.Д.Санжеева об "ограниченной степени употребления страдательного оборота" (1962, 232).

В калмыцком языке наличие субъектно-объектной необратимости никак не ограничивает употребление форм страдательного З. в языке научно-публицистической литературы: научных статьях, газетных заметках, докладах и т.д. В художественной литературе двучленные конструкции, не включающие в себя словоформы со значением действующего субъекта, довольно употребительны в изобразительной функции: описании пейзажей, картин быта, всевозможных явлений. Трехчленные же конструкции с обозначенным действующим субъектом (одушевленным - в дат.-мест.п. и неодушевленным - дат.-мест. и орудн.п.) имеют книжный характер, страдательное значение в них проявляется наиболее отчетливо. В бытовой речи пассив употребляется сравнительно редко.

Глаголы страдательного З. значительно реже могут быть образованы от первичных основ активно-непереходных глаголов, употребляются для обозначения действия в безлично-возвратном значении, оформившемся в монгольских языках на базе страдательности: *Йир сагледж йоведна, тиигчкэд нурһлж сөөһәр. Хотн харһхла, холаһур эргэд, хаалһас уухнар һаредна* (Б.А.) - *Приходится передвигаться чрезвычайно осторожно, притом в основном ночью. Если попадают села, вынуждены обходить их и держаться подальше от дороги.* В этих формах наличествует значение вынужденности совершения действия в результате каких-то обстоятельств, не зависящих от воли и желания отсутствующего в контексте лица, т.е. субъекта действия.

В калмыцком языке, как и в других монгольских языках, для выражения старательности употребляются отдельные причастия:

а) причастия прошедшего времени в определительной функции - *кешн кедлмш* - сделанная работа, *дуулси дун* - спетая песня. Субъект действия в причастном обороте обозначается родительным п.;

б) в определительной и предикативной функции употребляются страдательные причастия с суффиксом *-ата, -ата*, образованные от основ переходных глаголов, не вступающих в залоговое противопоставление актива-пассива: *пэзрдүлж татдг хойр мернэ зи куццдан тэчанк деер делгэтэ хар ишкэ деер таватэ баана* (Д.Б.) - ...на черную кошму, постеленную на тачанке, положена полная пароконная упряжь. Подобное явление, когда действие причастия совершено не самим определяемым предметом, а другими лицами, распространено в алтайских и других языках (например, японском). По замечанию Г.Д.Санжеева, Н.И.Конрад (1937, 200), исследуя залоговые конструкции, строго различает речь о лицах и предметах.

В определенных случаях форма страдательного З. употребляется в одном из значений побудительного З. - "предмет-подлежащее, одушевленный, допускает действие в отношении самого себя": *Таниг йовси дару бидн, тавн көвүн, тецгс тал заһс барлһнэ кедлмшт һурвн сарар нээмэдлгдүвидн* (Бал.А.) - После вашего отъезда мы, пятеро парней, нанялись на три месяца на рыболовные работы в море (букв. позволили нанять себя). На основании примеров такого типа Г.Д.Санжеев утверждал об "отпочковании страдательного залога от побудительного" (с. 238).

Однако его собственное замечание, сделанное впоследствии на основании анализа классических старописьменных источников: "нам кажется, что образование побудительного залога относится к той же стадии, что и образование страдательного залога..." (с. 238), а также произведенный Ц.Б.Цыдендамбаевым анализ происхождения и развития страдательного З. (он принимает за возможный прототип суфф. *-та-*; с.106-110), опровергают утверждение об "отпочковании страдательного залога от побудительного". Следовательно, каждый из залогов, и побудительный, и страдательный, как по своим значениям, так и по средствам образования остается сложным целым, а употребление форм страдательного З. в одном из значений побудительного З. является его второстепенным значением.

Побудительный (понудительный) З. традиционно выделяется авторами грамматик монгольских языков в системе залога, лишь Е.А.Кузьменков в монгольском языке рассматривает формы этого З. как каузативные глаголы и типы каузативных конструкций (с.35-59).

Глаголы побудительного З. образуются присоединением к основам переходных и непереходных глаголов действительного З. следующих аффиксов: -ул-, -үл-; -лһ-; -а-, -ә-; -э-, -һ-; -х-, -к-. Присоединение аффиксов не является чисто механическим: каждый конкретный аффикс употребляется в зависимости от того, каков исход (конечный звук) первичных глагольных основ, либо каково их лексическое значение. Глагольные основы побудительного З. образуются преимущественно аффиксами -ул-, -үл-, присоединяемыми и к переходным, и к непереходным глагольным основам, и менее регулярно аффиксами -а-, -ә-; -э-, -һ-; -х-, -к-, присоединяемыми главным образом к основам непереходных глаголов.

Семантическая классификация трех последних суффиксов претерпела в монголистике ряд изменений, они представляются более архаичными, чем два предыдущих суффикса, хотя зафиксированы уже в древнейших источниках (И.В.Кормушин, 1978: 78). Первоначально Г.Д.Санжеев отметил, что они, не являясь суффиксами побудительного З., служат лишь для образования переходного глагола от непереходного (1941, 65), позднее он их отнес к числу суффиксов побудительного З. (1962, 207; 1963, 27). Ц.Б.Цыдендамбаев вновь рассматривает их как словообразующие модели активных глаголов от пассивных (при неодушевленных предметах), но, отмечая сложность этого вопроса, подчеркивает, что глаголы этого типа "наряду с приобретением значения активности, т.е. способности управлять именем, могут выражать побудительность" при одушевленном предмете (с. 91-95).

Нам представляется, что в этом случае возникают соотносительные пары: активные и пассивные непереходные глаголы действительного З. и переходные глаголы побудительного З., образованные с помощью залогообразующих аффиксов. Вторые члены этих соотносительных пар, называемые в языкознании каузативными глаголами, а Е.А.Кузьменковым "глаголами каузированного состояния", в монгольских языках входят в состав побудительного З. с основными его значениями "заставлять выполнять какое-либо действие" или "заставлять находиться в каком-либо состоянии" и другими дополнительными значениями побуждения.

В монгольских языках существуют дублиеты побудительных основ: *хоршах* и *хоршулх* (от *хоршх*) - *накапливать*, *хуврэх* и *хуврүлх* (от *хуврх*) - *изменять* и т.д., образованных от первичных основ непереходного глагола.

Возможно многостепенное образование основ побудительного З. (2-й и 3-й степени) присоединением суффиксов -ул- и -лһ- к производным основам побудительного З. -1-й степени (кроме основы на -ул-) с новым значением: *зөөлһүлх* от *зөөлһх* "заставить возить" от *зөөх* - "возить" - "носитель глагольного действия побуждает какое-то лицо, чтобы заставил кого-то возить что-то". Такой способ образования побудительного З. в калмыцком языке весьма ограничен.

Общие семантические значения глаголов в побудительном З. таковы, что субъект-каузатор побуждает, заставляет, допускает, позволяет субъекту каузируемого действия совершить действие или находиться в определенном состоянии. В зависимости от условий контекста и характера отношений в побудительной конструкции глаголы побудительного З. имеют и дополнительные оттенки побуждения: принуждает (1), приглашает, разрешает (2), дает или не дает возможность (3), запрещает (4) и т.д.: 1) *...харутэ тоопһь мергүлад* (Дж.) - *...самых недоверчивых (в войске противника) принудили преклониться к стопам (хана Джангара)*. 2) *Мераһинь ук баһ гил уга наадулһи* (Дж.) - *Разрешите им играть, не считаясь, мала или велика их ставка (в игре)*. 3) *Жанһрин нутеиг дала шуут дала хойрин хоорнд... нутгүлһи* (Дж.) - *Дайте возможность поселиться Джангарову нутуку между двух океанов: ядовитым и люто-губительным*. 4) *...бурхи шаһнасчи һаһцулнав* (Дж.) - *...оплучу тебя от твоего бога и желтой веры (букв. запретить верить)*.

Характер отношений между действием и компонентами в конструкции побудительного З., определяемый К.С.Ивченковым, как субъектно-объектные отношения (1958, 129), таков, что носитель глагольного действия - субъект-каузатор - всегда выражен подлежащим в форме им.п. и побуждает к действию реального исполнителя действия (деятеля) - субъект каузируемого действия, выраженный дополнением в форме вин., дат.-мест. и орудн. падежей. Употребление определенной падежной формы для обозначения субъекта каузируемого действия зависит от переходности и непереходности значения первичной глагольной основы действительного З. Это определяет существование двух типов побудительной конструкции.

В конструкции побудительного З. действие глагола, образованного от непереходных основ действительного З., выполняется субъектом каузируемого действия, выраженным прямым дополнением в форме вин.п. и обычно замыкается на нем, т.е. не распространяется дальше. Побудительная конструкция этого типа является трехчлен-

ной, в ней прямое дополнение совмещает в себе значение субъекта каузируемого действия и объекта действия: *Танкистһр буслурт баасн улсиг сулдхв* (Т.А.) - *Танкисты освободили людей, находившихся в окружении. Жанһр нама учах* (Дж.) - *Джангар меня застыдит* (букв. *заставит испытать стыд*).

Конструкция побудительного З., образованного от основ переходных глаголов, является четырехчленной, в ней действие глагола выполняется субъектом каузируемого действия - "кого заставляю", выраженным в форме вин., дат.-мест. и орудн.п., и непременно распространяется на объект действия в вин.п. - "что заставляют" (Н.И. Конрад, с. 208).

Обозначение субъекта каузируемого действия в форме вин.п. в калмыцком языке ограничено, так как происходит стечение двух вин.п. В данной конструкции наглядно просматривается волевое побуждение (со стороны субъекта-каузатора) к действию субъекта каузируемого действия в вин.п.: *Мала Цаһануг һар-келинь хуһлад, шаһнулад хаяд оркв* (Дж.) - *Переломил (он) руки и ноги Мала Цагана и выбросил его с хрустом*.

Для обозначения субъекта каузируемого действия чаще всего используется форма дат.-мест.п., выраженного косвенным дополнением, в пользу которого выполняется действие побудительного глагола со значением "дать возможность кому-либо сделать что-либо", "разрешить", "допустить" - *Эгч Госта һуйриг утлад, нег зусмиг кевүндан бәрүлв* (Бал. А.) - *Тетя Госта нарезала лепешку и один кусок подала сыну*.

Субъект каузируемого действия нередко может оформляться и орудн.п. Значение данной конструкции - "сделать что-л., используя кого-л., что-л. как средство (инструмент)": *Арсарчи арин олн баав-һанрар адсх кегулнэв* (Дж.) - *(Я) кожу твою опдам многочисленным простолюдникам, чтобы сделали бурдюк* (букв. *простолюдникам*).

Иногда в конструкциях побудительного З., образованных от основ переходных глаголов посредством суффикса -ул-, ул-, возникает значение страдательности. В этом случае конструкция из четырехчленной становится трехчленной, в ней полностью меняется характер отношений: субъект каузируемого действия (в дат.-мест. и исх.п.) выступает субъектом (деятелем), действие которого направлено на носителя глагольного действия, который, утратив значение субъекта-каузатора, приобретает значение объекта и способен лишь подвергаться действию, либо допускать действие по отношению к себе.

По Ц.Б.Цыдендамбаеву "побудительные глаголы употреблены в страдательном значении, и нет никаких совпадений лиц" (с. 98). Конструкция такого типа вновь подтверждает тезис, что никакого "отпочкования страдательного З. от побудительного" не было. В данном случае диатеза побудительной конструкции совпадает с диатезой пассива (страдательной конструкции).

Глаголы совместного З. образуются от основ переходных и непереходных глаголов действительного З. посредством аффикса -лц: *асрлцх* (от *асрх*) - *помогать выращивать*, *торлцх* (от *торх*) - *удержаться с чьей-либо помощью* и т.д.

В конструкции совместного З. действие глагола, образованного от основ переходных глаголов, выполняет субъект-инициатор действия в форме дат.-мест., соед. или совм. и иредка родит. падежей, а носитель глагольного действия, как правило, выступает субъектом-соучастником. И при этом их одновременное действие направлено на один и тот же объект, выраженный прямым дополнением в форме вин.п., а конструкция является четырехчленной: *Борза һарч ирад, Бадмд некд болад, мер зуулцв* (Д.В.) - *Борза вышел и помог Бадме запрячь лошадь. Жанж колхозникудта хамдан өвс оваллцв* (Т.А.) - *Джанджи вместе с колхозниками скирдовал сено. Көзшн бас тазггар эднэ ардас дахлцв* (Он же) - *Старик тоже молча последовал за ними.* В конструкции данного типа, если инициатор действия отсутствует, опущен, то он легко восстанавливается, так как был упомянут в контексте раньше.

Действие глагола, образованного от непереходных глаголов, выполняется самим носителем глагольного действия совместно с отсутствующим, но подразумеваемым субъектом действия, и при этом совместность действия подчеркивается наличием в предложении обстоятельства времени или места: *Шарнууд ээмгэс Манжин Боова тер хурет орлцсми* (Бал.А.) - *Из Шарнатовского аймака в том собрании участвовал Манджиев Бова.* Конструкция этого типа является двучленной.

Нередки случаи, когда в конструкции совместного З. меняется характер отношений: носитель глагольного действия сам является инициатором и исполнителем действия, в сфере которого нейтрально соучаствует второй субъект в форме только соединит.п. и выражен косвенным дополнением: *Би чамла зөвчлцхэр ирүв* (Он же) - *Я пришел согласовать с тобой. Костя...цуг баасэн цугталань хувалцна* (Х.у.) - *Костя со всеми делится тем, что у него есть.*

В конструкции совместного З. глагол употребляется в значении взаимного З., употребляясь в сочетании с лексическими средствами со значением взаимодействия: с послелогом *хамдан* - *вместе*, со словами *нег-негиларн* - *друг с другом* и т.д.: *нег негнурн гиичлж оч... дамшлтарн хувалчна* (Там же) - *Ходят друг к другу в гости, ... делятся между собой опытом.*

Формы взаимного З. образуются от основ переходных и непереходных глаголов действительного З. посредством аффикса *-лд-*: *чавчлдж* (от *чавчх*) - *рубиться*, *булалдж* (от *булах*) - *отнимать друг у друга*, *эвчлдж* (от *эвчх*) - *помириться* и т.д.

В конструкции взаимного З. носителем глагольного действия являются два субъекта в форме им.п., но каждый из них совмещает в себе и значение объекта, так как их действие взаимонаправлено друг на друга: *Хойр баатр иньг кулгудэсн... теврдн уульв* (Дж.) - *Богатыри-друзья спешились, ..обнялись и заплакали.*

Нередки случаи, когда один из взаимодействующих субъектов обозначается соединит. или совмест.п. (либо опущен, но подразумевается), а носитель глагольного действия выступает инициатором действия, которое протекает взаимонаправленно со стороны обоих субъектов: *Терундэ эс эвчлджлэ, яахан эврэн меднэч* (Б.А.) - *Если с ним не помириться, сам знаешь, что будет с тобой.* Таким образом, конструкция взаимного З., глаголы которого образованы от переходных глаголов, либо от основ непереходных глаголов со значением отношения (*эвчх* - *мириться*, *зүлх* - *спорить* и т.д.), является трехчленной.

В конструкции взаимного З. действие глагола, образованного от основ непереходных глаголов (за исключением глаголов со значением отношения) действительного З., не имеет значения взаимности и употребляется лишь для действия, выполненного многими. В этом случае они, утрачивая главное значение взаимного З. - взаимонаправленность, сближаются со значением совместного З. - субъекты действия совершают совместное действие, происходящее одновременно: *булталдэ* - *высунулись*, *инэлдв* - *рассмеялись.*

Традиционная трактовка о совпадении значений совместного и взаимного З., что "...эти два галого употребляются без различия" (А.Бобровников, с.128; Г.Д.Санжеев, 1963) требует поправки: формы этих галогов могут употребляться в значении друг друга, но они дифференцируются в связи с тем, что в преобладающем большинстве функционируют как самостоятельные в рамках своей галоговой конс-

трукции: барлцх - вместе с кем-нибудь держать, ловить, строить и барлдх - держать друг друга, бороться друг с другом от первичной основы барх - держать, ловить, строить.

Залоговые аффиксы совместного и взаимного З. нередко выступают в словообразовательной функции: зевчлцх - разрешить, наздлх - приклеиваться, бурлдх - затягиваться, ордлх - залупываться и т.д.

Из комбинированных залоговых форм, когда к одной и той же производящей основе присоединяются аффиксы двух разных З., в калмыцком языке наиболее употребительны: побудительно-страдательный З. (даалгдсн керг - порученное дело), побудительно-взаимный З. (йовулцх - помочь кому-л. отправить кого-, что-либо), совместно-побудительный З. (орлцулх - заставить кого-нибудь принять участие) и взаимно-побудительный З. (теврлдүлх - заставить обняться).

Залоги в калмыцком языке противопоставляются по маркированности, по характеру отношений внутри конструкций, а главное направленностью действия залоговой формы к носителю глагольного действия. По своей смысловой близости они делятся на пары: действительный и страдательный З., страдательный и побудительный З., совместный и взаимный З. - в каждой паре модели конструкций по содержанию близки и в случае смены характера отношений внутри самой конструкции могут выступать в одном из значений соотносительного с ним З.

Глава 2. Категория вида (аспекта) посвящена одному из сложнейших вопросов монголистики и нуждается в постановке генезиса проблемы вида в монгольских языках. Категория вида стала складываться после образования отдельных монгольских языков, и этот процесс развивается. В отличие от таких глагольных категорий общемонгольского периода, как залог, время и наклонение, существуют значительные расхождения в количестве видов, их наименовании и классификации всех видовых образований по значениям и способам выражения. Известно, что одни ученые признают наличие категории вида, другие - отрицают (А.Попов, 1847; Б.Ринчен, 1950; Б.Бадмаев, 1964; А.Шархуу, 1970; Ц.Цэцэндамба, 1974 и др.), не учитывая того, что в монгольских языках она выражается другими грамматическими и лексическими способами, а исходя, очевидно, из того, что их глагольные формы не выражают ту "зону смыслов" (Ю.С.Маслов), которая бы отвечала содержанию и классификации вида в сла-

вянской грамматической традиции.

Предпосылкой для выделения вида как грамматической категории послужили изыскания монголистов в рамках развернутых описаний грамматического строя и исследования системы глагола в монгольских языках. Так или иначе они сталкивались с проявлениями вида (отдельные видовые значения были предвосхищены авторами ранних грамматик А.Бобровниковым, 1849; Вл.Котвичем, 1902; И.А.Подгорбунским, 1910-1911 и др.), описывали синтетические и аналитические способы их выражения: К.М.Черемисов, 1939; Г.Д.Санжеев, 1941, 1962, 1963; Д.Амоголонов, 1948; Т.А.Бертагаев, 1950; Б.Х.Тодаева, 1951; Э.В.Шевернина, 1960, 1977, 1980, 1982; Т.Цагба, 1961; А.Ш.Кичиков, 1963; Д.А.Алексеев, 1969; М.Д.Онджанова, 1969; Ц.-Ж.Цыдыпов, 1972; И.К.Илишкин, 1972; Ц.Б.Цыдендамбаев, 1979; П.Ц.Биткеев, 1983; Г.С.Дугарова, 1991 и др.

Взгляды сторонников наличия категории вида в монгольских языках далеко не единодушны, и по этому вопросу был выдвинут ряд концепций (Ц.-Ж.Цыдыпов, с. 54-60), которые нуждаются в критическом анализе, в уточнениях и поправках. Автор реферируемой работы подходит к обоснованию статуса вида в числе грамматических категорий глагола с позиций рассмотрения вида в рамках семантико-функциональной категории аспектуальности, исследуемой в разделе грамматики, именуемом аспектологией. Аспектология достигла значительных успехов, ее проблемам посвящены исследования в русистике - А.В.Бондарко, Ю.С.Маслова, Н.С.Авиловой, М.Я.Гловинской, в финноугроведении - Б.А.Серебренникова, в тюркологии - А.А.Юлдашева, Э.А.Груниной, Д.Г.Тумашевой, Д.М.Насилова, в монголистике - Г.Д.Санжеева, Ц.-Ж.Цыдыпова, Ц.Б.Цыдендамбаева и др.

Понятие аспектуальности включает в свою обширную семантико-функциональную сферу прежде всего категорию вида, а также другие сходные и близкие с ней явления, связанные с грамматическим строем языка в целом: аспектуально-значимые классы глаголов... и их подклассы, так называемые способы глагольного действия..., исследуются различные аспектуально-релевантные средства контекста, представленные неглагольной лексикой и средствами синтаксиса (Ю.С.Маслов, 1984: 5-6; 1990: 47-48).

Мы опираемся и на накопленный в монголистике предшествующий опыт, а также на достижения более поздних исследований по разработке глагольных видов бурятского (Ц.Б.Цыдендамбаев, с. 116-126 - по методике классификации видовых образований, предложенной

Б.А.Серебренниковым - 1960, 24-27) и монгольского (Г.С.Дугарова - по концепции метаязыкового описания глагольного вида, сформулированного К.Бахе - 1985) языков. Такая направленность рассмотрения категории вида в калмыцком языке обусловлена спорностью вопроса о специфике грамматической сущности вида, о характере видовой оппозиции, о критериях классификации видовых образований и их наименовании, а также предпринятым в работе иным подходом к описанию сопряженных с ней категорий времени и наклонения.

Экскурс в историю освещения вида в монгольских языках показал сложность проблемы, слабая изученность которой подчеркивается исследователями на протяжении десятилетий (Б.Х.Тодаева, Г.Д.Санжеев, Ц.-Ж.Цыдыпов, Ц.Б.Цыдендамбаев, П.Ц.Биткеев и др.) и подтверждается противоречивостью концепций, сформулированных для определения статуса вида в монгольских языках:

1. Концепция совершенного//несовершенного вида, выразившаяся в стремлении найти способы передачи их значений глагольными формами монгольских языков или найти в них хотя бы отдаленное напоминание видов русского языка, привела к тому, что в силу ограниченности способов передачи их значений категорию вида в монгольских языках стали рассматривать как явление ущербное, слабо развитое, либо стали вовсе отрицать ее наличие.

В 60-е годы Г.Д.Санжеев, признав, что в бурятском языке нет глагольных категорий совершенного//несовершенного вида, наметил новый подход к определению сущности вида в монгольских языках, ставший традиционным: категория вида в монгольских языках заметно отличается от категории вида в славянских языках и показывает, каким образом протекает действие с точки зрения характеристики его темпов, интенсивности, ритмичности, степени завершенности или законченности, результативности и т.д., которые выражаются синтетическими и аналитическими способами (1962, 191).

2. Концепция образования глагольных видов синтетическим способом, т.е. присоединением к глагольной основе суффиксов с теми или иными видовыми значениями, ошибочно все видовые образования называла видами, независимо от степени их распространенности. Б.Х.Тодаевой в монгольском языке были названы видовые аффиксы -лэ для обозначения повторяемости действия, -л - для обозначения обычно повторяющегося действия, -ч- - для обозначения быстроты, стремительности, полной законченности действия (1951).

Г.Д.Санжеев (с. 188-191) выделил:

1) общий вид (0-й показатель), от основы которого образуются прочие виды. Этот вид назван П.Ц.Биткеевым. Ц.Б.Цыдендамбаев отрицает наличие общего вида в монгольских языках, так как он лишен специального видового показателя, т.е. не является вторичной глагольной основой. Другими исследователями общий вид вообще не упомянут;

2) интенсивный вид (бур. основы с афф. -ша, монг. -ч, калм. -чк). Д.А.Алексеев в бурятском языке назвал его завершенный или окончательный вид, включив дополнительно основы с аффиксом -рху. У Ц.Б.Цыдендамбаева - это внезапный вид, а основы с аффиксом -рху он выделил в мгновенный вид. П.Ц.Биткеев назвал его законченным видом;

3) учащательный вид (бур. основы с афф. -сагаа, халх. -цага, калм. -цха). Д.А.Алексеев включил основу с афф. -сагаа в прерывисто-кратный вид. Этот вид не отмечен Б.Х.Тодаевой и П.Ц.Биткеевым;

4) ослабленный вид (бур. основы с афф. -д гэ, калм. и халх. -с гух). Ц.Б.Цыдендамбаев назвал его ограниченным видом и включил в него ограниченное количество основ с аффиксом -нта. У П.Ц.Биткеева - это кратковременный вид.

В монгольском языке Г.Д.Санжеев отметил и видовые аффиксы -л и -лэ (1963, 65-66). Видовые основы на -л Ц.Б.Цыдендамбаев назвал многократным видом, а основы на -лэ, по его мнению, вследствие ограниченной распространенности не могут быть названы видовыми. Д.А.Алексеев, напротив, аффикс -лэ назвал показателем прерывисто-кратного вида, включив в него и основы на -гана, -сагаа, -шал, -гаша, -бшал, -бхил (с. 61-63). У П.Ц.Биткеева афф. -лэ - показатель ритмического вида.

Д.А.Алексеев в бурятском языке обозначил вид неполного действия с афф. -хада, у Ц.Б.Цыдыпова - это уменьшительно-ласкательный вид.

Будучи сторонником противоположной концепции, Ц.-Ж.Цыдыпов отрицал синтетический способ образования видов, считая, что морфологические показатели служат лишь для передачи отдельных способов глагольного действия, видовых значений, "не противопоставлены основным глагольным видам и не имеют тотального распространения" (с. 166-173). При рассмотрении глагольных аналитических конструкций исследователи неизбежно находили в их составе видовые или видовременные значения. Аналитический способ образования видовых

основ признавался обычным и продуктивным и привел к двум различным концепциям по проблеме вида в монгольских языках.

3. Концепция глагольных видов, показателями значений которых являются вспомогательные глаголы, была заложена А. Бобровниковым, И. А. Подгорбунским. Разработка этой концепции была продолжена К. М. Черемисовым, В. Х. Тодаевой, М. Н. Орловской (1958), Т. Пагбой, Т. А. Бертагаевым, Д. А. Алексеевым, М. Д. Онджановой. Ц. - Ж. Цыдыпов, справедливо подвергнув критике данную концепцию на том основании, что показателями грамматических категорий могут быть только грамматические средства, а не лексические значения глаголов-модификаторов *эхилхэ* - *началь*, *дуургээхэ* - *кончаль* и т. д., отнес эти аналитические формы в одну группу "Лексическое видовое значение" (с. 57, 173-175).

4. Концепция глагольных видов, выраженных аффиксами причастий и деепричастий в основе аналитических конструкций. Ее последовательными сторонниками выступают Ц. - Ж. Цыдыпов и Э. В. Севернина, которые наметили и описали взаимно противопоставленные аналитические конструкции глагола, назвав их видами. Ц. - Ж. Цыдыповым выделено четыре вида. Мы присоединяемся к вполне обоснованной критике Ц. Б. Цыдендамбаевым данной концепции, так как каждый глагольный вид не ограничивается количеством названных авторами аналитических форм, в которых показателями вида принято считать аффиксы причастных и деепричастных форм.

1. Законченный вид (Э. В. Севернина назвала его результативным видом, Д. А. Алексеев - незавершенным видом, а Т. А. Бертагаев - завершенным действием), который образуется в системе аналитических форм посредством разделительного деепричастия на *-аад*: *уншаад байна* - *прочитав есть*. По Ц. Б. Цыдендамбаеву, законченность действия может обозначаться причастиями завершенно-прошедшего и прошедшего времени: *уншанхай нууна* - *уже прочитал*, *сээжэлдэһэн ябана* - *выучил*.

2. Продолженный вид образуется в аналитической конструкции посредством аффиксов соединительного деепричастия (*-жа*): *дүтэлжэ байна* - *приближаются* (у Э. В. Северниной этот аффикс служит для образования длительного вида), слитного (*-н*): *аршан байна* - *вытер* и продолжительного (*-һаар*): *субаһаар лэ байна* - *стекались* (Э. В. Севернина выделила лишь этот аффикс как показатель продолжительного вида). По Ц. Б. Цыдендамбаеву, продолжительность действия может обозначаться и прилагательным на *-нги* со значением состояния: *...һа-*

нааһа зобонги байнам... - беспокоюсь.

3. Многократный вид (З.В.Шевернина включила в его состав только афф. многократного причастия *-даг*) образуется посредством аффиксов причастий: многократного *-даг*, однократного *-гша* и постоянного *-аша*: *уншадаг байна, уншада уншагшал даа, уншааша юм* - обычно (*читает, читающий есть*). Ц.Б.Цыдендамбаев дополняет, что многократность действия обозначается также и повторением разделительного и особенно слитного деепричастия. В калмыцком многократность обозначается повторением слитного (*авн авн сөгсрдх - хватая, хватая, трясги друг друга*), а также соединительного (*келж-келж муурв - говорил-говорил и устал*) деепричастий.

4. Потенциальный вид образуется в аналитической конструкции посредством афф. целевого деепричастия *-хаз (-хая)*: *уншакая байна - вот-вот станет читать*. По Ц.Б.Цыдендамбаеву, потенциальность действия может обозначаться также и причастием будущего времени с послеложно-союзным словом *гэжэ* или прилагательным на *-маар*: *город ороко гэжэ байна - собирается в город, харзаар байна - можно смотреть*.

Таким образом, виды, выделенные по данной концепции, далеко не исчерпываются перечнем приведенных авторами аналитических глагольных конструкций и легко дополняются большим количеством таких же синтаксически спаянных сочетаний с видовыми значениями законченности, продолжительности и потенциальности, которые служат для передачи способов глагольного действия. На этом основании Г.Д.Санжеев (1962, 191-192) и Ц.Б.Цыдендамбаев отметили, что к числу глагольных видов не относятся видовые значения, выраженные синтаксическими сочетаниями (с. 120). Большинство аналитических конструкций в монгольских языках обозначают время и лишь потому в известной мере и вид.

Рассмотрение всех существующих противоречивых концепций показывает, что нет единого подхода к разработке категории вида, системного анализа, критериев классификации всех видовых образований. Формирование категории вида в монгольских языках возможно, так как она пронизывает глагольную лексику, грамматикализует ее и выражает характер (или аспект) протекания действия и эждется на соотносительности имеющих в них глагольных видов.

Нами принята установка, что видовые значения выражаются только посредством суффиксов и образуют вторичные основы (Г.Д.Санжеев, с. 187-188; Ц.Б.Цыдендамбаев, с. 121). Первичные и

залоговые основы можно считать глаголами нейтрального или общего вида. Возражение Ц.Б.Цыдендамбаева против обозначения нейтрального вида не противоречит положению в аспектологии "о тождественности лексического значения глаголов-членов видовой пары, так как они являются членами одного и того же глагола" (В.В.Виноградов, 1972: 395; П.С.Кузнецов, 1952: 323; Ю.С.Маслов, 1962: 9; А.Н.Тихонов, 1962: 33; А.В.Бондарко, 1967: 37 и др.), но оно не выдерживает критики и опровергается важным уточнением, внесенным Н.С.Авиловой в понятие лексического значения глаголов-членов видовой пары, в которых "реальное значение процессов, называемых этими глаголами, тождественно, но различаются они грамматической семантикой вида". Наличие нейтрального вида в монгольских языках подтверждается и данным ею понятием семантики глагола, "как совокупности реального значения глагола и его грамматического видового значения, носителем которого является сильный член видовой пары - глагол совершенного вида" (1976: 1,8).

В калмыцком языке сильным членом каждой видовой пары будет маркированный член: законченный, учащательный, кратковременный и длительный виды, образованные от основы немаркированного неопределенного вида. Неопределенный вид отмечен и в рассмотренной Г.С.Дугаровой оппозиции прогрессива и непрогрессива в монгольском языке. Так возникает в языке необходимая для существования грамматической категории видовая оппозиция и создаются предпосылки грамматического значения вида, который тождествен по своему значению реальному значению глагола, но за счет грамматической оформленности приобретает грамматическую семантику вида.

В языках, где категория вида остается спорной, в том числе и в монгольских языках, репрезентативны критерии классификации видовой маркированности глаголов в зависимости от их распространенности в языке на вид, класс и видовое значение, предложенные Б.А.Серебrenниковым (с. 17-24). Они делают категорию вида системной. Эта универсальная методика была привлечена для анализа категории вида в бурятском языке, однако в классификации видовых образований допущены отклонения: выделены многократный вид (-л), который образуется от ограниченного количества глаголов, аффикс -лтэ, не имеющий тотального распространения, включен как один из показателей ограниченного вида. Кроме того остались вне классификации аналитические видовые конструкции (Ц.Б.Цыдендамбаев, с. 123-124).

В монгольских языках средствами выражения вида, видовых значений и способов глагольного действия стали морфологические, аналитические и лексические способы. Грамматический строй языка развивается под влиянием своих внутренних законов и постепенно из своих ресурсов создает набор грамматических форм для передачи грамматических значений. Так, в калмыцком языке к явлениям перехода аналитических форм в синтетические относится и образование сложных аффиксов *-жа* и *-чк* из слияния аффикса соединительного депричастия (*-ж, -ч*) с усеченной формой *-а* (вспомогательного глагола *баэх - быть, есть*) и *-к* (служебного глагола *орх (окх) - ставить, класть*). Прогрессирует тенденция превращения такого типа аналитических конструкций в синтетические формы. В современном калмыцком языке аффикс *-жа* постулируется как показатель длительного вида, а аффикс *-чк* как показатель законченного вида. Оба они имеют тотальное распространение и способны присоединяться к любой глагольной основе.

Напротив, "невозможность тотального распространения", т.е. ограниченное употребление показателя, образует подклассы способов глагольного действия и видовых значений: это показатель *-л* в монгольских языках (видовое значение повторности и многократности), *-лэ* (видовое значение ритмичности), в бурятском языке *-нта* (видовое значение ограниченности), в калмыцком - *-д гих* (видовое значение кратковременности).

На основании сравнительного анализа видовых образований в монгольских языках и принятых критериев их классификации, а также установок для характеристики категории вида в числе средств аспектуальности стала возможной их систематизация в конкретных монгольских языках. Не претендуя на полную удовлетворительность классификации и выявление абсолютно всех оттенков в значениях видовых образований, мы постулируем набор формантов, существующих в современном калмыцком языке. Все видовые образования образуются двумя способами: синтетическим (виды и видовые значения) и аналитическим (способы глагольного действия и лексич. значения вида).

1. Виды выделены на основе тотального распространения видовых показателей:

Неопределенный вид выражается первичной глагольной и залоговой основой, служит базой для образования других видов.

Законченный вид (*-чк*) обозначает действия, которые протекают в быстром темпе и мыслятся всегда доведенными до конца: *Уудын*

хавчат дурчгад (Дж.) - *Спрягав (коня) в расщелине горы*. Имеет оттенки неожиданности полного завершения действия (*хавдчхк - внезапно распухнуть*), интенсивности совершаемого действия с законченным результатом (*уяд авчхк - сшить себе*), интенсивности конечного момента законченного в целом действия (*гууһад һарчхк - выбежать*), быстроты совершаемого действия (*келад орхк - тотчас высказаться*).

Длительный вид (-жа), самый продуктивный, передает значение длительности протекания действия и содержит в себе оттенки: продолжительно-длительный, замедленно-длительный, непрерывно-длительный, повторно-длительный, длительно-ограничительный, длительно-дистрибутивный и т.д.: *уржэх - захаживать, босчах - вставлять регулярно, умшжах - продолжать читать* и т.д.

Кратковременный вид (-с гих) называет действие, которое совершается мгновенно, однократно, но не полностью, не до конца, нередко и с оттенком многократности: *ендс гих - приподняться, немс гих - добавить, доһлс гих - прихрамывать* и т.д.

Учащательный вид (-цха) выражает прерывисто-кратное действие: *керлдцхана - поругивают, давццхана - повторяют*. Как и в других монгольских языках появилась тенденция к употреблению данной формы в значении множественности в глаголах.

2. Глаголы с видовыми значениями выражают также характер протекания действия, но не могут быть противопоставлены основным видам, так как не имеют тотального распространения. Они образуются синтетическим способом: 1) видовое значение прерывистости (-ла) образуется в основном от изобразительных слов, от основ глагольных и изредка прилагательных: *медмлэх - главно показиваться* (о поверхности жидкости), *аньэлэх - подергивать веками* и т.д.; 2) видовое значение кратковременности, мгновенности (-д гих), присоединяемое к звукоподражательным и образным словам: *хард гих - прозвучать громко в момент падения, шурд гих - промчаться*; 3) видовое значение повторности и многократности (-л) образуется от весьма ограниченного количества глаголов и обозначает часто и ритмично повторяющееся действие, протекающее иногда в быстром темпе: *мошклх - болеть (о животе - крутит), цэглх - сверкнуть, сверкать, догдлх - содрогаться, сотрясаться, пульсировать*.

3. Способы глагольного действия - лексико-грамматические разряды глаголов, тесно связанные с категорией вида. В основе их лежат различные временные, количественно-временные и специаль-

но-результативные модификации действия (РГ-80, 596). В монгольских языках к ним относятся аналитические видовые конструкции и синтаксические сочетания со значением законченности, продолжительности, многократности и потенциальности. В монгольских языках существует значительная группа глаголов, которые помимо употребления в своем обычном лексическом значении могут выполнять специальную функцию служебных глаголов. Из многочисленного перечня глаголов в диссертации проанализирована функция глаголов *авх* - *взять*, *өгх* - *дать*, *йовх* - *идти*, *ирх* - *приходить*, *одх* - *пойти*, *отправиться*.

Глаголы движения делятся по своему первоначальному значению на обозначение движения вообще, приближения, удаления и т.д. Глагол *йовх* "ходить, ездить, ехать, идти" в качестве вспомогательного глагола обозначает ненаправленное движение, т.е. движение вообще и служит для передачи продолжительности действия: *чирж йовх* - *волочить*, *гууж йовх* - *бежать*, *көтлж йовх* - *вести*.

Глаголы *ирх* и *одх* обозначают разнонаправленное движение: действие, стремящееся к пределу в эту сторону (*сюда* - *гууж ирх* - *прибежать*, *хэрж ирх* - *вернуться*) и в ту сторону (*туда* - *уга болж одх* - *исчезнуть*, *хэрж одх* - *отправляться домой*).

Глаголы действия *авх* "взять", *браль*, *получаль*, *принималь* и *өгх* "дать", *даваль*, *отдаваль* в качестве вспомогательного глагола также обозначают предел разнонаправленного действия в пользу себя (*сурж авх* - *выпросить*, *булаж авх* - *выхватить*) и в пользу другого (*орж өгх* - *сдаться*, *авач өгх* - *отнести*). В сочетании с разделительным деепричастием вспомогательный глагол *авх* придает ему значение однократности совершаемого действия: *тапад авх* - *дернуть*, *девсад авх* - *гнуть*.

4. Лексическое видовое значение вычленяется отдельно как лексико-грамматический разряд глаголов, образованных полусвободным сочетанием ограниченного количества слов с лексическим значением вида, так называемых фазовых глаголов с формами деепричастий и обозначающих начало (*эглх* - *начинать*, *үзх* - в значении "попытаться", *һарх* - в значении "начинать регулярно"): *эклад чаңирх* - *начать усиливаться*, *амсж үзх* - *попробовать*; конец или завершенность (*дуусх* - *кончать*, *хайх* - *бросать*, *хуурх* в значении "исчерпываться"): *евс идүләд дуусх* - *скормить сено*, *эцэд хуурх* - *исхудать*, *һарһж хайх* - *выбросить*; продолжительность протекания действия (глаголы состояния *суух* - *сидеть*, *көвтх* - *лежать*): *күдләд*

суух - ожидать долго, келэд кевтх - говорить непрерывно.

Обобщение существующих концепций, материалов, накопленных монголоведами в продолжение длительного времени, -- и рассмотрение вида в рамках семантико-функциональной категории аспектуальности позволяет систематизировать видовые образования и классифицировать их на виды, видовое значение, способы глагольного действия и лексическое видовое значение. Процесс развития системы глагольных видов продолжается и имеет специфику в выражении характера протекания действия в конкретных монгольских языках. Примером является новый альтернативный подход Г.С.Дугаровой к разработке глагольного вида в монгольском языке: анализ и выяснение статуса оппозиции прогрессива (сочетание соед.Д. с афф.-ж и служебного глагола байна) и непрогрессива (простых временных форм индикатива).

Известно, что категория времени тесно связана с категориями вида и наклонения, и наиболее яркое взаимодействие их проявляется в формах изъявительного наклонения.

Глава 3. Категория времени. Наличествующие в монг.ст. письм. языке временные формы изъявит. накл. сохранились и в живых монг. яз., претерпев незначительные фонетические и семантические изменения. Традиционно выделялось два времени: имперфектный презенс (несов.наст.) - форма на -на; перфектный презенс (сов.наст.) - форма на -ла; имперфектный претерит (несов.прош.) - форма на -ж и перфектный претерит (сов.прош.) - форма на -в, -ва(-ба). Латинизированная терминология, принятая по Г.Рамstedту (1903) для форм времени, оказалась весьма условной. Однако в системе времен в монг.яз. до последних десятилетий исключалась форма буд.вр. на -х-. Вслед за Т.А.Бертагаевым и Б.В.Бадмаевым Ц.Б.Цыдендамбаев отмечает, что принципиально неприемлемо абсолютное устранение буд.вр. из числа временных форм глаголов., по его мнению, грамматическая категория времени в монг.яз. вполне выявлена, и формы времен в основном остаются в пределах прежней трактовки (1979, 81-82).

В главе под иным углом зрения рассмотрен ряд форм изъяв.накл. на -а, -дэ, -си, возникших некогда на базе длительного предикативного употребления причастий, а впоследствии ставших лично-глагольными формами, способными выражать законченное высказывание, констатировать факты совершения или несовершения действия (Н.Н.Поппе, 1955: & 218; В.А.Серебрянников, 1960: 103; Т.А.Бертагаев, 1964: 13; А.Ш.Кичиков, 1963: 62-67 и др.), и на современном

этапе можно лишь говорить о существовании грамматической омонимии, которая "отражает лишь определенный этап в становлении новых частей речи" (К.Мусаев, 1964: 160-170; Т.А.Бертагаев, с.17).

Кроме того категория времени рассмотрена неразрывно с категориями наклонения и аспекта, с которыми находится в сопряженном состоянии (Совещание по вопросам категории времени и наклонения глагола в тюркских языках, 1961; В.Н.Ярцева, 1974: 4). При исследовании категории времени постулируется набор формантов времени в совр.калм.яз.: наст. (-на, -жана/-чана, -а, -дг), прош. (-в, -ва(-ба); -ла; -ж, -ч; -сн) и буд. (-х) и, благодаря методу семантико-функционального анализа, выявляется семантический потенциал каждой временной формы и определяется ее более точное наименование.

Настоящее время. Установлено, что формы наст.вр. на -на, -жана// -чана, -а, -дг обладают разным семантическим потенциалом. Указание на объективную данность действия является основным содержанием наст.вр. Глаголы наст.вр. могут реализовать значение наст. данного момента, обусловленное морфосемами одновременности с моментом речи (МР) и актуальности, а также и значение наст. постоянного, проявляющегося в контексте в следующих разновидностях наст.: расширенного, узуального, качественного и обобщающего. Характерным признаком наст.постоянного является нелокализованность действия во времени: действие не прикреплено к какой-л. точке или к определенному отрезку наст., к МР.

Форма с аффиксом -на. Значение наст.конкретного при наличии морфосемы одновременности с МР и актуальности находит наиболее четкое выражение в диалогической речи, в авторской речи (в поэтических описаниях картин, пейзажей, явлений и т.д.), с некоторой условностью можно говорить о наст.конкретном и в ремарках драматических произведений. Эти морфосемы реализуются и в вопросительном предложении с глаголом при отрицании действия, когда актуализация направлена говорящим не на действие, а на участников ситуации, и поэтому в контексте обязательно наличествует и момент обращения: *Көвун, көөрк, дээрч эс йовнч?* (М.Н.) - *Мальчик, милый, ты ведь замерзаешь?* Выявление актуализированного действия обусловлено ситуацией, т.е. возможностью визуальной фиксации действия говорящим.

Для реализации значений наст.постоянного необходим систематизированный контекст с оттенком постоянства. Здесь выделяется

несколько разновидностей наст.постоянного, представляющих собой второстепенные значения формы. Наст.расширенное не противоречит основному значению наст.вр., но заполняет обширный временной план, включая и МР. В реализации семы постоянства участвуют: обширный контекст со значением непрерывности и монолитности; аспектуальные спецификаторы со значением длительности и многократности (*оньдин - постоянно, өдртан - целый день, өрунас асхи куртди - с утра до вечера, кедү - сколько*); лексико-семантическая структура глагола в форме побудит., взаимн., совм. и страдат.В. (*биуллүднэ - заставлять плясать, ээлднэ - бояться, хувалцна - делятся, дуулгднэ - поется*); форма глаголов с отрицанием, если внимание говорящего акцентировано на самом действии, а не на участниках ситуации (*юнгад эс киндлнэч? - почему не уважаешь?*), притом нередко отрицательная частица эс "не" вместе со значением наст. расширенного придает глаголу и значение утверждения (*ю эс келцхана? - чего только не говорят = говорят все*); усилительно-наречные слова (*мел - все, цигад, тигад - вот так и, басл - так и*); констатация действия со слов других.

Наст.узвальное обозначает устоявшееся действие, которое в силу своей повторяемости реализует значение постоянства и обычности и употребляется в обширном временном плане. В контексте перспектива узвальности передается разными способами: аспектуальными спецификаторами многократности (*өдр боллн - каждый день, зармдан - иногда, дару-дарунь - раз за разом*); однородными сказуемыми с разделительными союзами (*негт-негт - то-то, эскла-эскла - или-или* и т.д. при наличии меняющихся действий); однородными сказуемыми с обстоятельствами в роли разделительных союзов, при наличии противопоставленных действий, либо одного и того же повторяющегося действия: определенной структурной схемой предложения.

Наст.качественное. Значение постоянной данности действия, которое не может быть соотнесено с каким-то определенным моментом речи, обусловлено семантикой самого глагола, обозначающего качественную характеристику действия или состояния: профессиональную деятельность, поведение, навыки и умение, черты характера и свойство субъекта.

Наст.обобщающее абстрагировано от конкретного времени. Значение обобщенности реализуется в определенных контекстуальных условиях: при наличии обобщающих членов предложения; при значении обобщения в пословицах, поговорках и афоризмах; при формулировке

правил, законов и истин, в которых обозначены действия, естественные по своей природе; в неопределенно-личных и безличных предложениях.

Форма с аффиксом *-на*, наряду с основной временной морфосемой одновременности с моментом речи и модальной морфосемой актуальности, в условиях транспозиции может реализовать семы предшествования МР и следования за МР, а также семы побудит. модальности и приобретает переносные значения.

Сема предшествования реализуется данной формой в основном в сфере повествования. В контексте момент прошлого может быть обозначен разными средствами: локализаторами прош.вр. (*маңһдуртнь - на следующий день, тер сө - той ночью*); внелингвистическим контекстом, связанным с опытом, знаниями человека; контекстуальным окружением формами прош.вр.

Сема следования в контексте может быть обусловлена локализаторами буд.вр. (*хөөннь - после, аяртан - вечером, нег жылас - через год*); самим лексическим значением глаголов, порождающих мысль о будущем; наличием в контексте глаголов повелит. и желат.накл.; структурной схемой предложения; влиянием окружающего контекста. Сему следования форма с аффиксом *-на* реализует, как правило, принимая на себя лично-предикативные частицы 1-го лица обоих чисел.

Наиболее значительна роль контекста в реализации формой наст.вр. сем побудит.модальности: в нем участвуют речевые условия косвенных наклонений - 1-е лицо и побудит.модальность (оттенок желания), соответствующая интонация (оттенок решимости и угрозы), усилительно-наречные слова (*яһад болвчи - во что бы то ни стало, эрк биш - обязательно* и т.д.), модальные слова *билтэ, боллтэ - пожалуй* и т.д., вопросительные частицы *-у// -у* (оттенок предположения).

Форма *на -на* участвует в формировании как достоверной, так и недостоверной модальности. Выражение модальных оттенков достоверности обусловлено модальными словами и частицами типа *аддл угз - несомненно, -л, -мн, -лмн, -ш "да"*, словами-конкретизаторами времени и места действия: *эндрин бийднь - сегодня же, шуд ода - прямо сейчас, минь үүнд - вот здесь*; а также усилительно-наречными словами *улм - все более, басл - так* и т.д. Что касается аспектуальной характеристики, то форма с аффиксом *-на* в своем значении имеет аспектуальный оттенок длительности, который особенно ярко проявляется в повествовательном настоящем. Эта форма является

универсальной.

Форма на -жана//чана. Эта форма наст.вр. не ограничивается обозначением только единично-конкретного действия, как категорически утверждалось до сих пор. Она реализует второстепенное значение наст.расширенного, переносные значения, выраженные в семах предшествования и следования за МР. Значение наст.конкретного при наличии морфосем одновременности и актуальности форма на -жана реализует в диалогической речи, иногда присоединяя к себе утвердительные частицы -л, -м, -лм "да", в авторской речи (в описательно-изобразительной функции), в безличных предложениях.

Сема постоянства реализуется данной формой только в значении наст.расширенного при наличии в контексте аспектуальных спецификаторов длительности и многократности: *жилин туршарт - целый год, урэняс нааран - с прошлого года, кесг дакж - много раз* и т.д. Эта форма не передает таких значений наст.постоянного, как узуальное, качественное и обобщающее.

В условиях транспозиции форма на -жана реализует переносные значения: семы предшествования и следования за МР, контекстуальные условия для передачи их более ограничены, чем для формы на -на. Сема предшествования реализуется при наличии в контексте локализаторов прош.вр. *урж өдр - позавчера, ниднин - в прошлом году* и т.д., момента воспоминания. Сема следования в контексте обусловлена наличием локализаторов буд.вр.: *дарунас - после, удлго - вскоре* и т.д., собственно лексическим значением глагола, структурой предложения.

Таким образом, семантическая нагрузка формы на -жана//чана оказывается достаточно емкой в передаче значений наст.вр.

Форма на -а обозначает достоверное действие, которое захватывает обширный временной план, включая и МР. Модальное значение достоверности усиливается за счет модальных частиц утверждения, усилительно-наречных слов: *күнн, -лм(-лмн), -хн, -лхн, -ш; мел, тиигад* и т.д. Таким образом, семантические функции формы на -а весьма ограничены.

Форма на -де выражает изъявительную модальность достоверности действия, обозначает действие объективной данности, выполнение которого абстрагировано от конкретного времени, происходит обычно, постоянно. Она служит для обозначения наст.постоянного, в контексте выявляется во всех его разновидностях.

Значение наст.расширенного реализуется в обширном контексте

со значением непрерывности нередко подкрепляется и аспектуальными спецификаторами длительности: *кезадчи - всегда, йурин - обычно-венно, кесгян - долго* и т.д. Значение наст. узувального реализуется в контексте разными способами: аспектуальными спецификаторами многократности типа *цаг цагар - время от времени, асхинь - вечерами*; однородными сказуемыми с разделительными союзами, с обстоятельственными словами в роли разделительных союзов при наличии одного и того же повторяющегося действия, либо противопоставленных действий; предложением с деепричастным оборотом. Значение наст. качественного - постоянный признак действия, состояния, присущий субъекту как его качество, свойство. Значение наст. обобщающего данная форма реализует при наличии обобщающих членов предложения, в пословицах, поговорках, при формулировке правил, законов и т.д.; в неопределенно-личных предложениях.

Форма на *-дг* выступает и в переносных значениях наст., реализует семы предшествования и следования за МР, а также модальность предположительности. Сему предшествования она реализует при наличии локализаторов прош.вр. *намаз баъд - когда я был молодым, даана цэст - во время войны* и т.д. Сему следования она реализует в контексте с вопросительными словами; на фоне действия в форме буд.вр. Модальный оттенок предположительности выражается при помощи модальных слов *болна - оказывается, бээдлэ - пожалуй, видимо* и т.д. Таким образом, в ряду форм наст.вр. форма на *-дг* занимает значительное место, и потенциальные возможности ее довольно обширны.

Прошедшее время. Формы прош.вр. объединяет в единой системе основная морфосема предшествования МР, выявляемая из противопоставления временному ряду наст.вр. Однако внутри своего ряда они противопоставляются как по модальным, так и по аспектуальным признакам. Отсюда каждая отдельная форма наряду с модальной морфосемой достоверности и временной морфосемой предшествования МР способна реализовать дистрибутивно обусловленные семы.

Форма на -в служит для выявления действия недавнопрош.вр. Она имеет значение очевидного действия в прошлом, реализуемого при наличии морфосемы предшествования МР, целостности, однократности, очевидности, а также дистрибутивно обусловленных аспектуальных сем длительности и многократности и модальных сем категоричности, очевидности и побудительности. При реализации названных сем, составляющих богатый семантический потенциал формы, сила

влияния контекста различна. Форма на -в обозначает целостное однократное очевидное действие в прошлом, которое несомненно завершено в прошлом, в какое-то определенное время. Так, оно обозначает: а) контактное с МР действие при наличии в контексте временных локализаторов со значением контактности *минь ода - только что сейчас, шицкэн - только что* и т.д.; в диалогической речи; в повествовании говорящего лица о действии, участником которого он был сам; в сообщении говорящего или некоего другого лица, бывшего свидетелем действия, совершенного в МР; б) действие, совершенное незадолго до МР и реализующееся в диалогической речи; в сообщении говорящего или некоего другого лица, бывшего свидетелем действия, совершенного незадолго до МР; при наличии в контексте соответствующих локализаторов вр.: *одахн, саахна - недавно* и т.д.; в) действие, которое происходит в какое-то определенное время в прошлом и обозначается локализаторами времени и места: *удин хөөн-после обеда, зууран поездд - по пути в поезде* и т.д.; г) действие, контактное с моментом совершения другого действия и обусловленное локализаторами времени типа *эн саамд - в этот момент, тер хоорид - между тем*; наречиями и послелогоми с временным значением в сочетании с причастиями буд. и прош.вр., обозначающими контактное действие: *кедлми тэгсж йовсн кемд - в момент, когда заканчивалась работа, бааридан күрхин алднд - в момент, когда достигли стоянки* и т.д.; отглагольными именами в соед.п.: *урлһн-ла - в момент, когда пришел*; слитн., разделит., предельн., усл. и др. Д. с временным значением: *хур орхла - когда пошел дождь, укриг мөөрэ баагил - пока короля мычала*; д) действие, которое совершилось безотносительно к какому-л. другому действию или моменту в прошлом.

Морфосемы целостности и однократности обуславливают морфосему динамичности и очевидности, которые релевантны для формы на -в в функции динамического повествования при передаче последовательно сменяющихся действий. Форма на -в может быть использована и в функции констатационного повествования и находит наиболее яркое выражение в газетной хронике, биографических очерках. Релевантным признаком в этом случае, наряду с морфосемами предшествования МР, целостности и однократности, выступает и модальная сема категоричности, т.к. говорящим отмечается факт совершения действия в прошлом. Форма на -в используется при передаче исторических событий, т.к. достоверность их совершенно определена и носит харак-

тер объективности и категоричности, а также и для передачи давнoproш. действий, как особый стилистический прием. Длительное действие в прошлом реализуется формой на -в при наличии морфосемы предшествования МР и семы длительности с помощью аспектуального контекста со значением длительности, в формировании которого участвуют спецификаторы типа *зогсл уга - непрерывно, бвкл жидан - целый год* и т.д.; повтор глагола: *кулэв-кулэв - ждала-ждала* и т.д.

Многочасное действие в прошлом реализуется формой на -в при наличии морфосемы предшествования МР и семы многократности, которая создается в контексте аспектуальными спецификаторами типа *одр сө уга - днем и ночью, одр болһн - каждый день*.

В определенных речевых условиях значение формы на -в может переходить в сферу косвенных наклонений и передаваться соответствующей интонацией значения предостережения или опасения и предположения; в прямой речи и при наличии модальных слов типа *билтэ - видимо*.

Форма на -ла выражает действие преждепрош.вр., т.к. соотносительно с формой недавнoproш.вр. на -в обозначает прошлые действия, отдаленные от МР более длительным отрезком времени. Основное значение формы на -ла - значение абсолютной достоверности действия и предшествующего контактного действия в прошлом, при реализации которых участвуют морфосемы относительного предшествования, исчерпанности и контактности с данным моментом прошлого. Значение абсолютной достоверности реализуется наличием в контексте всевозможных частиц: безусловного подтверждения -*ус//үс есклүсв - вырастил ведь*; отрицательной частицы эс, получающей утвердительное значение в вопросительном предложении: *эс соңслт? - не слышали?* (букв. *слышали ведь?*); утвердительной -*хн: тесэд бәгләхн би - терпела же я*; вопросительной -*у///-ү///-и: келлүв - говорил ведь*.

Значение предшествующего контактного действия в прошлом содержит обширный временной план, включая и МР. Прошлая временная плоскость состоит из действия раннего акта (предшествующего другому, также прошлому, действию и выраженного формой на -ла) и позднего акта (последующего действия в прошлом, выраженного другими формами прош.вр.: на -в и -ж). Морфосема контактного предшествования конкретизируется действиями, обозначающими поздний акт, а также соответствующими временными локализаторами: *ик эрт*

бичкндан - в раннем детстве, *урднь* - прежде и т. д.

К второстепенным значениям формы на *-ла* относятся: значение дистантного предшествующего прош. действия, реализующегося при наличии морфосемы относительного предшествования и отсутствия морфосемы контактности с данным моментом прошлого, нейтрализация которого происходит под влиянием временных локализаторов раннего и позднего акта: *асхарнь-едрарнь* - вечером-днем, *дэн эклхлэ-хө-еннь* - в начале войны-потом и т. д. Значение недавнопрош. вр. носит относительный характер и обусловлено контекстом: локализаторами недавнопрош. вр. *сазхнда* - недавно, *минь ода* - только что и т. д. и диалогической речью. Значение длительности и многократности действия зависит от семантики глаголов действия, состояния, речи и аспектуального контекста.

Форма на -ж имеет значение прош. неочевидного действия в прошлом, реализуется при наличии морфосем предшествования МР, исчерпанности, контактности с МР. Это единственная форма, употребляемая для объективной констатации состояния, наступившего в результате прошлого действия, которое актуально для МР. Оттенки необычности и неожиданности обуславливают реализацию семы очевидности и неочевидности действия. Сема очевидности релевантна для формы на *-ж* в условиях контактности действия с МР, когда говорящий застает действие в виде его результата, имеющего продолжение в настоящем. Морфосема контактности с настоящим реализуется синтетическим комплексом *-жаж* (*-ж бваж*); контекстом, начало которого оформлено аффиксом наст. вр. *-на*.

Модальное значение неочевидности прошлого действия проявляется в случаях, когда говорящий не является очевидцем действия и либо судит по оставшемуся от него результату, либо сообщает о нем со слов других, либо судит о нем на основании чувственного восприятия и собственного предположения. Субъективная констатация результата прошлого действия предполагает, наряду с морфосемами заглазости, предшествования МР и исчерпанности действия, и реализацию семы статичности. В целом форма на *-ж* употребляется в функции статического повествования, и здесь только аспектуальный контекст служит для реализации сем длительности и многократности.

К варианту значения формы на *-ж* мы относим значение предшествующего контактного прошлого действия, реализуемого в том случае, когда имеется соотношение двух прошедших действий: предшествующего, выраженного формой на *-ж*, и последующего, выраженно-

го чаще всего формой на -в.

Форма на -сн в формальном ряду прош.вр. выражает значение давнопрош.вр. Наряду с морфосемами предшествования МР и завершенности для данной формы выявляются контекстуально обусловленные модальные семы категоричности, неожиданности и аспектуальные семы длительности и многократности. Значение категоричности совершения или несовершения действия сообщается данной форме частицами: утвердительной *-мн(-мөн)* "да" и отрицательной *уга* "не", "нет"; вопросительными предложениями с отрицательной частицей *биш* "не" в значении утверждения; дополнительный оттенок очевидного результата в МР привносится связкой *бээнэ* "есть". В силу своей семантики форма на -сн наиболее употребительна в биографических очерках, газетной хронике о прошлых событиях, в научной речи.

Будущее время имеет форму на -х, выражает действие, протекание которого намечается говорящим в категорическом или некатегорическом плане. Данная форма богата субъективными модальными оттенками контекстуального характера, функционально сближающими ее с косвенными наклонениями. Модальные оттенки категоричности//некатегоричности определяются наличием в контексте соответствующих модальных индикаторов, лексических и интонационных средств.

Значение категоричности выражается формой на -х при реализации морфосем следования за МР и категоричности в определенных контекстуальных условиях: при наличии модальных индикаторов-слов типа *лапта* - обязательно, *ээлхи* - да, конечно и т.д.; причинно-следственных отношений между предложениями; прямой речи; определенного условия; усилительно-уступительной частицы, относимой к разным членам предложения; при повторении одного и того же или близких по семантике глаголов; при наращении к форме буд.вр. долгой гласной (фонетического признака): *авх-а* - возьме-ет.

Форма буд.вр. с отрицаниями *уга(-го)* и *-ш*, *биш* "не" с полной категоричностью отрицает осуществление действия в будущем при наличии уступительного деепричастного оборота, аспектуальных спецификаторов длительности: *үкк-үкүлэн маршгов* - не забуду до самой смерти, *кесгэн соңсхн угав* - долго не услышу; усилительно-наречных слов: *нам* - даже, *төрүц маршгов* - ни за что не забуду и т.д.; слова-отрицания *уга*, относящегося к предложению в целом; двойного отрицания со значением утверждения: *эс ирхм биш* - разве не придет (букв. придет).

Форма буд. вр. с подтвердительной частицей *-мн (мөн)* реали-

зует модальный признак категоричности с оттенками долженствования и необходимости: это имеет место в 3-м лице обоих чисел. В речевых условиях повелит. накл. — при наличии соответствующей интонации реализуются модальные оттенки призыва, намерения, долженствования, которые носят исключительно категорический характер.

Значение некатегоричности действия дает возможность употребления формы на -х с различными оттенками: смягченного повеления (в речевых условиях повелит. накл.); надежды и желания (в определенных условиях); намерения, реализующегося формой 1-го лица обоих чисел; сослагательности и желания при присоединении частицы -нь; предупреждения нежелательного действия; предположительности (при наличии модальных индикаторов *кевтэ* - *кажется*, *бээдлтэ* - *вероятно* и т.д.); глаголов со значением мыслительного процесса: *санх* - *думать*, *тоолх* - *полагать* и т.д.; сомнения, вероятности действия, с некоторым оттенком необходимости (комплекс -*хлта*, -*лһта*, -*лтэ* в вопросительном значении с вопросительными словами и частицами).

Значение наст. постоянного реализуется формой на -х при обозначении действия, совершающегося регулярно, вне определенных рамок времени.

Глава 4. Категория наклонения. Авторы ранних грамматик монгольских языков объединяет то, что они исходили не столько из содержания глагольных форм в изучаемом языке, сколько из перевода на тот или иной язык и искомого смысла, подпадающего под европейские понятия о наклонениях. Я.Шмидт впервые назвал шесть наклонений с включением причастия и деепричастия: изъявительное, условное, сослагательное, желательное, повелительное и неоконченное (1832, 58-61). А.Бобровниковым из числа перечисленных накл. были исключены усл. и сослагат. (с.130-133), а позднее А.Орловым (1878, 62-65) и А.Рудневым (1905, 39-43) и так называемое неокончат.накл. Таким образом, традиционно стало обозначаться изъявит.накл., в состав которого входят все временные формы, и повелит. накл., в котором формально объединялись глаголы с различной модальной семантикой. Г.Д.Санжеев назвал это накл. повелительно-желательным (Гл., 95-130).

Ц.Б.Цыдендамбаев считает необходимым исключить из системы накл. индикатив на том основании, что выделение реализа и ирреализа осуществляется на логическом подходе к языку, и грамматические формы времен не имеют специальной маркировки для изъ-

явит.накл. (с.83). Нам представляется, что модальная сущность, выраженная языковыми формами, независимо от того, маркирована она или не маркирована в том или ином языке, была и остается основным содержанием категории наклонения. Более того, следует принять во внимание, что выражение категории накл. в контексте обычно приобретает интонационную маркировку. Принимая во внимание сказанное, мы придерживаемся установившегося в языкознании взгляда на бинарность выражения модальности, в том числе и категории наклонения.

Краткий обзор монголоведной грамматической литературы, начиная с первых грамматик в области образования форм и значений наклонений, показал, что вопрос о критериях выделения некоторых глагольных форм в особую категорию накл., а равно вопрос о количестве самих накл. и их номенклатуре трактуется неодинаково. До сих пор не все формы накл. оказались охваченными исследователями. Особенно противоречивы их взгляды на сущность повелительно-желательного накл.: прослеживается стремление на основе производенного анализа модальных значений дать иную классификацию инвентаря традиционно повелительно-желательного накл. (Ш. Лувсанвандан, 1951; Д. Дугар-Жабон, 1958; Т. А. Бертагаев, 1964; Ц. Б. Цыдендамбаев, 1979; Р. П. Дораева, 1983).

Наклонение принято считать грамматической основой модальности, которая находит свою полную реализацию в предложении. В связи с этим анализ и исследование категории накл., ее значений, функционирования и особенностей употребления осуществляется на базе предложения, контекста. Таким образом, мы расширяем границы грамматического исследования форм накл. за пределы форм, определяемых парадигматическим рядом. Это связано с целым комплексом проблем, выходящих за рамки морфологии (Е. И. Шендельс, 1970: 13). Анализ форм накл. в калмыцком языке и сравнение их с формами накл. в других монг. языках дает возможность разграничения четырех накл.: изъявит., повелит., желат. и предостерегат. (Р. П. Дораева, 1980).

Изъявит.накл. - самая емкая форма накл. глагола в калм. языке - выражает реальные действия, которые соответствуют действительности в том смысле, что говорящий имеет в виду факт их реализации в наст., прош. и буд. вр. Внутри указанных времен модальность достоверности высказывания, присущая изъявит.накл., под воздействием модальных слов и частиц, интонации и контекста (модальных индикаторов, временных локализаторов, аспектуальных спецификаторов, структуры предложения и т. д.) может то усиливаться,

приобретая более яркое выражение, то ослабляться (например, подвергаться сомнению, выразить предположение и т.д. или совпадать со значением других косвенных наклонений).

Формы изъявит.накл. не имеют специальных морфологических показателей. Аффиксы глагольных времен являются одновременно формами изъявит.накл., т.к. они, кроме обозначения времени, служат еще средством выражения категориального значения изъявит.накл. - реальности (достоверности) действия. Большое число временных форм калмыцкого глагола обусловлено тесной связью временной характеристики с их модальными и аспектуальными значениями. Формы изъявит.накл. констатируют наличие действия, либо отрицают его: *Алхиг ерэхэр седнэ, болв дааж, чадхш* (З.т.) - *Хочет поднять молот, но не может осилить.*

Дистрибуция форм изъявит.накл. и сопряженных с ним категорий времени и аспекта калмыцкого глагола и выявление условий их реализации на синтагматической оси подробно рассмотрено в главе предыдущей.

Косвенные наклонения, в отличие от немаркированного изъявит.накл., имеют аффиксальное образование и специальными временными показателями не располагают. Особенность побудит. модальности такова, что она предполагает реализацию действия только после МР. т.е. в самой семантике форм содержится темпоральная отнесенность в будущее. Косвенные наклонения отличаются друг от друга морфологическими показателями, отнесенностью к определенным лицам. Все они в определенных стилях речи, речевой ситуации могут иметь разнообразные оттенки значений, однако в каждой из них есть своя доминирующая модальная семантика.

Повелительное наклонение. Повелит.накл. присущи такие признаки, как побудительность и обращенность к адресату. Анализ структуры побудит. ситуации проводится по признаку зависимости говорящего от собеседника, когда говорящий осознает возможность или невозможность выполнения собеседником действия, к которому говорящий его побуждает. Каждый тип побуждения представлен вариантами, модальными оттенками (И.С.Андреева, 1971).

Для категорического побуждения характерен признак зависимости собеседника от говорящего. оно выражается в таких модальных оттенках, как требование, приказание, запрещение, распоряжение. Модальное значение требования реализуется различными контекстуальными средствами: исходной формой повелит.накл.; семантикой

глаголов, выражающих категорическое побуждение: *захк - приказы-вать, некх - требовать, хаакрх - крикнуть* и т.д.; вводным словом *чамаг "я тебе"* и ограничительно-выделительной частицей *зуг "только, ну"* со значением угрозы; вводными компонентами: *гинав - говорю я (тебе), соцжанч - слышишь* и т.д.; группой глаголов с общим значением с целью удаления из зоны общения: *һарч эрл - выйди вон, уга бол - исчезни* и т.д.; темпоральной отнесенностью действия к ближайшему будущему: *тудл уга - немедленно, минь ода - сейчас же* и т.д.; производной глагольной видовой основой на -чк: *хазчк - закрой, хулдчк - продай* и т.д.; отрицательной частицей *бича "не"*, выражающей запрещение.

В типе смягченного побуждения говорящий зависит от воли собеседника, который может выполнить действие со значением просьбы, упрощивания, мольбы, выраженное в контексте: глаголами, вводящими смягченное побуждение типа *сурх - просить, эрх - умолять, упрощивать*; глаголами речи: *гих - говорить, келх - сказать*; группой глаголов с лексическим значением просьбы: *деңгн - поддержи, некд бол - помоги* и т.д.; конструкцией с побудительной частицей *нэ "ну"* и выделительно-ограничительной частицей *зуг "только"* с модальным значением просьбы; обращением в стилистически нейтральной форме; частицей *буйн болтха - пожалуйста* - принадлежностью вежливой речи; междометиями типа *а дарк - о боже, яһлав - о боже, что я сделал*; исходной формой глагола с долгим либо неясным гласным.

Нейтральный тип побуждения предполагает ситуацию взаимной независимости говорящего и собеседника, наибольшей свободы действия последнего. К его вариантам относятся совет, приглашение, позволение, назидание и др. Признак направленности действия в пользу собеседника актуализируется в контексте частицей *нэ - побудительным сигналом простого побуждения*; группой глаголов с семантикой возможности брать, получать то, что кем-то дано: *ав(тн) - бери(те)*; *ид(тн) - съешь(те)*; в пословицах со значением совета; контекстом с предшествующей просьбой или вопросом собеседника; группой глаголов с семантическим значением приглашения совершить действие: *суу(тн) - садн(те)сь, ор(тн) - войди(те)* и т.д. В некоторых стилистических условиях форма 2-го лица ед.ч. трансформируется на другие лица для выражения побуждения, обращенного говорящим к самому себе, направленности действия говорящим на 3-е лицо.

Форма мн.ч. на -тн также представляет собой обращение говорящего к собеседникам, высказанное в виде категорического, смяг-

ченного и нейтрального побуждения, в их различных вариантах. Простительные формы повелит.накл. с частицами *-и-*, *-хи-* выражают лишь оттенки смягченного и нейтрального побуждения.

Желательное наклонение. Значение форм желат.накл. определяется основной семантикой глагола, т.е. модальностью желания и намерения говорящего самому осуществить действие, либо пожелание, просьбу, совет, позволение 2-му или 3-му лицу, чтобы какое-л. действие было совершено.

Форма желат.накл. с аффиксами *-са// -са* относится к 1-му лицу, указывает на то, что говорящий сам стремится совершить желаемое действие. Частные оттенки оптативной модальности: оттенок сомнения выполнить действие с позволения, с согласия других (в вопросительном предложении) контекстуально обусловлены. Форма на *-с// -су// -су* выражает такие оттенки побуждения, как твердое намерение и решимость говорящего совершить действие, пожелания и зложелания говорящего в собственный адрес, готовность говорящего предложить свои услуги, просьбу говорящего позволить что-л. сделать; различную интенсивность или степень выполнения говорящим действия во времени придает наличие глагола *гук - говорить* в разных формах; готовность говорящего совершить какое-л. действие с позволения других лиц: *келж оркс > келжкс - скажу-ка*; намерение говорящего заставить собеседника выполнить действие (форма в побудит.З.: *хуралһс - заставить кого-то навести порядок*).

Форма на *-ий// -ия// -й* обозначает желание неопределенного множества лиц выполнить действие. Она имеет оттенки приглашения говорящего, обращенного ко 2-му лицу или к группе лиц принять участие в совместном действии, либо обращение к самому себе; некатегорического требования при наращении утвердительной частицы *-л(-ла)*.

Формы на *-г* и *-тха// -тхэ* выражают пожелание или позволение говорящего лица совершить действие, переданное им отсутствующему 3-му лицу через посредство 2-го лица с оттенком желания (в благопожеланиях и проклятиях), веления, позволения, призыва.

Предостерегательное наклонение с аффиксом *-ваа// -ваа* (варианты его *-уза// -ваа*, *-за// -за*, *-жв*) выражает опасение, как бы не совершилось какое-н. действие, а иногда предостережение от нежелательного действия с оттенком предупреждения, просьбы, надежды на желаемое действие и т.д.

В главе 5 рассматривается категория лица и связанное с ней

спряжение глагола. В монголистике существует две противоречивые точки зрения на сферу словоизменения глагола. Одни исследователи полагают, что глаголы со значениями лица и числа сосредоточены только в повелительно-желательных формах, а остальные глаголы не имеют категории лица, особого спряжения по лицам, и это особенно касается классического монгольского и современного монгольского языка. Они отрицают наличие спряжения на том основании, что в монгольских языках по лицам изменяются всякие части речи в позиции сказуемого. Лично-предикативные частицы (усеченные формы личных местоимений 1-го и 2-го л. ед. и мн.ч., а также отсутствие личной оформленности в 3-м л.) выступают в роли синтаксического выражителя лица (Г.Д.Санжеев, 1963: 84; Ц.Б.Цыдендамбаев, 1979: 4).

Другие исследователи (А.Попов, с.173; А.Бобровников, с. 153; Г.Рамстедт, 1903: 22; А.Руднев, 1913-1914: 33-151; Вл.Котвич, 1915: 104-105; Н.Поппе, 1937: 113-120; Б.Х.Тодаева, 1960: 100; 1986: 63; Б.Б.Бадмаев, 1964: 47; Э.Р.Тенишев, 1976: 83,138; Д.А.Павлов, 1979: 23-37; Р.П.Дораева, 1990: 131-142 и др.), напротив, рассматривают в глаголе категорию лица и систему спряжения.

Нам представляется, что в разработке данного вопроса плодотворной является концепция типологии спряжения по лицам, сформулированная И.И.Мещаниновым (1982: 45-69). Изменение по лицам в индоевропейских языках присуще только глаголу (И.И.Мещанинов, с.45-46; В.В.Виноградов, 1972: 360-379 и др.), а в монгольских, как и в языках тюркской системы, оно свойственно не только глаголу, но и имени или наречию (А.Н.Кононов, 1941).

Однако вызывает возражение мнение Д.А.Павлова, что другие части речи, выступающие в роли сказуемого (предиката), принимая личные частицы, "функционально глаголизируются":

1) другие части речи не обладают такими признаками, как модальность и время, лишь выражают определенное состояние самого предмета: *бидн малчвидн - мы животноводы, чи эмчч - ты врач, чи земтэч - ты болен, виноват; би хэртэв - мне двадцать лет, та тендт - вы там;*

2) выступая в функции других членов предложения (имя - подлежащим, дополнением или определением, наречие - обстоятельством места), эти части речи не принимают лично-предикативных частиц. Поэтому в монголоведении обоснованно не получила поддержки точка зрения А.Руднева о спрягаемости в бурятском языке не только глаголов, но и имен (указ.соч.);

3) личные показатели, оставаясь общими и сформляя всякое сказуемое, как именное, так и вербальное, занимают различное положение, когда закрепляются за именем (в монгольских языках в какой бы падежной форме они ни выступали в роли сказуемого, за исключением вин., орудн. и направит.п. - Р.Х.) и когда занимают место в глагольной аффиксации. Входя в сочетание с временными показателями, спряжение по лицам получает свой специфический оттенок (И.И.Мещанинов, с. 56).

Таким образом, меньшей части монгольских языков, таким, как калмыцкий, бурятский, дагурский, а также баргу-бурятскому и ойратскому диалектам монгольского языка КНР, свойственно личное спряжение финитных форм глагола. Будучи синтаксической категорией, лицо в этих языках наиболее последовательно выступает как словоизменятельная категория, оно своими парадигматическими и функциональными отношениями связано с другими категориями глагола: наклонением, временем, видом и залогом.

Глава 6 посвящена **причастиям** - глагольным формам, бытующим в монгольских языках с древнейших времен и сохранившимся в них, претерпев незначительные внешние и семантико-функциональные изменения, различия в количественном составе. Так, в калмыцком языке А.Попов находит шесть причастий, А.Бобровников - семь, Вл.Котвич и Г.Рамstedт - четыре, причем группы выделяемых авторами причастий не совпадают между собой по составу включаемых форм и их названий. Причастия были постоянным объектом внимания грамматистов, отдельные его аспекты описаны и в специальных статьях (М.Н.Орловская, 1958; Д.Сусеева, 1969 и др.), диссертационных работах (Ц.Цэдэндамба, 1970; В.Дамбинова, 1983). Однако природа и поведение их продолжают оставаться до конца не выясненными и требуют от автора работы уточнения и принятия установок для анализа причастий в калмыцком языке.

Существовало несколько точек зрения на терминологическое наименование этой категории слов (А.Попов, Г.Рамstedт, Г.Д.Санжеев).

Прослеживаются противоречия в их грамматической характеристике и структурно-семантической классификации: традиционно по временному признаку - на причастия наст., прош. и буд. времени (Вл.Котвич, 1929; М.Н.Орловская, 1958; Г.Д.Санжеев, 1962: 63; В.Вадмаев, 1964; Ц.Цэдэндамба и др.). С другой стороны, и по видовому признаку, выделив невременные причастия (многократные: *ябагад* и однократные: *ябагша* "ходящий") (А.Попов, А.Бобровников,

Г.Д.Санжеев, 1941). Ц.-Ж.Цыдыпов дополняет их еще двумя группами: модальными (П. возможности и П. целесообразности) и диатезальными (страдат.П.) (1972: 47-48).

Требует уточнения и определение сущности причастия. Традиционно их определяют как производную глагольную форму, имеющую признаки глагола и имени, приписывая им именное склонение и не усматривая в употреблении падежных форм причастий их сдвига в сторону имени существительного, т.е. субстантивации. По определению А.Бобровникова, причастия показывают "отношение действия к действующему субъекту" (с. 135), и это определяет приоритет их атрибутивного употребления. На этом основании время действия причастия отличается от времени действия основного глагола. Мы исходим из того, что причастие обозначает процесс в виде признака предмета, протекающего во времени, и совмещает в себе свойства глагола и прилагательного.

Свойство прилагательного проявляется в том, что причастия обозначают процесс-признак предмета, протекающий во времени (наст. *буудг будн - туман, имеющий обыкновение опускаться*; прош. *буусн будн - опустившийся туман*; буд. *байжх кун - человек, который обогатится*), сочетаются с определяемым словом способом примыкания (не изменяются ни по падежам: *кесн кедлмш - сделанная работа, кесн кедлмшин - сделанной работы, кесн кедлмшар - сделанной работой* и т.д., ни по числам: *кесн кедлмшмуд - сделанные работы*), выступают в синтаксической роли определения и занимают препозитивное место.

Глагольные признаки причастий в том, что они образуются на базе залоговых основ глагола, имеют общие с ним лексические значения. Грамматическая глагольность проявляется в том, что они имеют общие с глаголом морфологические свойства переходности и непереходности: *һээр өөртхулгч куукн - девушка, приближающая земли* (букв. расстояние); *деегшэн һарсн - восшедший*; залога: *орж ирсн евгн - вошедший старик* (дейст.З.), *сумнд цоолгдсн девл - полушубок, пробитый пулей* (страдат.З.), *аавдан мал усллцсн Дорж - Доржи, помогающий деду напоить овец* (совмест.З.) и т.д.; вида: *немсн - добавленный* (нейтр.В.), *немчксн - (законч.В.) - взят да добавлен, немс гисн* (кратковр.В.) - *слегка добавленный, немцхадг* (учащат.В.) - *подбаляющий время от времени*; времени: *настоящего вр.* (йовгч, йовдг, йова "ходящий", "идуший" в значениях наст.вр., многократ. и продолжительности), прошедшего (йоесн - *шедший*), бу-

дущего (йовх - тот, который пойдет). Действие П. возможности (йоем - умеющий возможность ходить) совершается в рамках наст. вр., а действие страдат.П. (палата терен - запряженная телега) совершено в рамках прош. времени.

Причастие сохраняет общие с глаголом синтаксические свойства: модели управления (селанас манаһур ирсн куукд - дети, прибывшие к нам из села) и примыкания (эрт босдг - рано встающий, дугде куук - поющую девушку).

Субстантивация причастий (как и частей речи в целом) - явление давнее в монгольских языках и заслуживает отдельного рассмотрения, т.к. в соответствии с нуждами контекста широко употребляются в языке субстантивные формы причастий. Принципы обоснования явления субстантивации прилагательных в монгольских языках, выработанные А.А.Дарбеевой на основе положений общей лингвистики (1958), впоследствии стали применяться в исследовании субстантивации причастий - этого прогрессирующего в монгольских языках процесса (Д.А.Сусеева, 1969, 1978; Ц.Цэдэндамба, 1970, 1972). Представляется, что причастия, так же, как и прилагательные, "не имеют форм склонения, а в тех случаях, когда они принимают падежные окончания, приобретают предметное значение". Этот факт подчеркивает, что причастия изначально содержат в себе свойства глагола и прилагательного. Что касается падежных форм, то они все должны рассматриваться как явления различной степени субстантивации, т.е., по А.А.Дарбеевой, субстантивного или субстантивированного употребления причастий.

Субстантивация причастий возникает в результате того, что определяемое слово, как легко подразумеваемое, очень часто опускается, и причастия (за исключением продолжительного на -а, возможности на -м и страдательного на -алз), образуя падежные формы и сдвигаясь в сторону имени существительного, становятся зависимыми компонентами глагольного словосочетания и выступают в роли простого или развернутого (при наличии зависимых от него слов) подлежащего, дополнения и обстоятельства. Субстантивированные П. характеризуются двойственностью грамматических свойств: обладая морфологическими категориями имени существительного (формой падежа, числа и принадлежности, так как принимают частицы личного и безличного притяжания), они сохраняют грамматические значения глагола (залоговые, видовые и временные).

Существует два типа субстантивации частей речи, в том числе

и причастий (А.Дарбеева, Д.А.Сусеева): синтаксическая (неполная) и лексическая (полная), имеющие принципиальное различие. При синтаксической субстантивации, обусловленной контекстом, П. сохраняют ярко выраженную глагольность: способность всестороннего управления, и этот тип бывает двух видов: 1) глагольная субстантивация, при которой П. (чаще всего прош.вр. на -сн и многокр. на -дг), являясь стержневым словом, вместе с зависимыми от него словами формирует причастный оборот и в целом выступает в синтаксической роли имени существительного: развернутого подлежащего (а), дополнения (б) и обстоятельства (в) - а) Барун бийнь ахлж суудень... Алтн Чееж (Дж.) - Сидящий во главе справа... Алтан Чееджи;

б) колхоз бурдахин туск хурт... (М.Н.) - на собрании о создании колхоза...; в) Кесгэс назран хол һазрт йовсндан... (О.У.) - Из-за пребывания вдали от дома...;

2) окказиональная субстантивация, при которой П. (на -сн, -дг и буд.вр. на -х) не имеет зависимых слов, больше тяготеет к именам существительным, создавая тенденцию к лексической устойчивости: Цецн уэсэн, тенг идсэн (посл.) - Мудрый говорит о виденном, а глупый - о съеденном.

При лексической субстантивации П., утратив глагольные и адъективные свойства, полностью перешли в разряд имен существительных, называя: а) лицо (субъект или объект) по его действию, характерному занятию или должности в наст. или постоянно (нуурлеч - передовик, боодг - пруд), в прош. (уксн - умерший) или в буд. вр. (идх, уух - еда, ирхнь - тот, кто придет); б) лицо, подвергшееся действию (луугдсн - изгнанник, суңгдсн - избранник); в) обобщенное название явления (иргч - будущее, шүүсн-сок; г) научные термины (нерлч - подлежащее, хасгч - вычитаемое).

Процесс субстантивации П. разной степени подчеркивает, что они подвергаются в языке различным лексико-семасиологическим модификациям. С одной стороны, это сдвиг падежных форм в сторону имени существительного, т.е. приобретение его основных значений - предметности и синтаксических функций (подлежащего, дополнения и обстоятельства). С другой стороны, П., будучи в отдельных падежных формах, утрачивают присущую им "предметность", усиливается их синтаксическая связь с глаголом, и они образуют отпричастные формы обстоятельственных деепричастий. В калмыцком языке это: условное Д. (-хла), предварительное (-хларн, по Г.Рамstedту, 1903),

продолжительное (-сара), целевое (-хар), заменное (-хар) (А.Ш.Кичиков, 1963; Р.П.Дораева, 1983). Д.А.Сусеева (1976), назвав их субстантивами, ошибочно утверждает, что такие П. превратились в наречия.

5. Предикативное употребление одиночных П., становление аналитических видовых и модальных конструкций привело к стиранию различий между причастиями в сказуемостной функции и индикативами. При их помощи выражается простая констатация факта совершения или несвершения действия (Н.Поппе, 1955: & 218; Г.Д.Санжеев, 1962: 278), и они, сочетаясь с субстанциональными именами и располагаясь в постпозиции к ним, приобретают все свойства собственно глагола (Т.А.Бертагаев, 1964: 84, 96-97, 99-100). В калмыцком языке в системе временных форм изъявительного наклонения под иным углом зрения рассмотрены омонимичные причастиям формы настоящего времени на -а, -де и прош. вр. на -си (Р.П.Дораева, 1983: 212-214, 222-223). В связи с этим автором анализируется непредикативное употребление П., т.е. их атрибутивная, а также объектная и субъектная, и обстоятельственная функции в случаях их субстантивного применения. Мы постулируем набор формантов, существующих в современном калмыцком языке, и классифицируем их по временному признаку в трех планах настоящего (настоящее П. на -гч, многократное П. на -де и продолжительное П. на -а), прошедшего на -си и будущего на -х, а также П.возможности на -м в рамках наст.вр. и страдательное П. на -ама в рамках прошедшего вр.

Причастия настоящего времени имеют разнообразные оттенки количественной определенности действия, совершаемого в сфере расширенного наст.вр., и образуются от глагольных основ при помощи специальных суффиксов и имеют общие с ними лексические значения: *сарвлэгч - барахтажыйся, сарвлэде - имежый обыкновение барахтаться, сарвлэа - продолжажый барахтаться* от *сарвлэх - барахтаться*.

Невозможно согласиться с точкой зрения исследователей, относящих П. наст.вр. на -гч и -де в группу невременных по значению (Г.Д.Санжеев), а впоследствии и формировавших на этой основе концепцию глагольных видов, выраженных аффиксами причастий и деепричастий в составе аналитических конструкций (Ц.-Ж.Цыдыпов, Э.В.Шеввернина). Количественной определенностью процесса обусловлена и названная приуроченность причастных форм, т.е. их действие совершается в сфере расширенного наст.вр., в то время как, по Г.Д.Сан-

жеву. "значение форм расширенного настоящего времени изъявительного наклонения является окказиональным, зависящим от контекста" (1963, 211).

Автором внесено уточнение в традиционное терминологическое наименование "настоящее однократное П." на -гч. Она названа "настоящим П." адекватно названию, данному этой форме А. Поповым "причастие настоящего времени" (с. 136), т.к. в данной форме отсутствуют все оттенки условно принятой "однократности".

Настоящее П. (-гч) обозначает непрерывное действие, представляемое как характеризующий признак предмета и совершается в рамках расширенного наст.вр. и используется преимущественно в роли определения: *йилгч жил* - определяющий год, *эрвлэгч тевг* - развезающаяся грива.

Как и в других монгольских языках, настоящее П. подвергается субстантивации, утратив глагольные и собственно причастные свойства, такие как выражать процесс и управлять падежами (Г.Рамстедт, 1903: 32, 39), переходит в разряд существительных со значением имени деятеля или режы предмета и способно принимать показатель множественного числа: *үүдэгч* - творец, *зэцгэгчир* - вестники. Но в целом тенденция настоящего П. к лексической субстантивации несколько ограничена, нежели в монгольском, т.к. существует специальный продуктивный словообразовательный суффикс имен существительных -ач// -ч для названия отглагольных имен деятеля: *цутгач* - литейщик, *ахгач* - глава.

Субстантивы от настоящего П. выступают в синтаксической роли имени существительного, нередко принимая частицы притяжания: в роли подлежащего (*Мини сургчм баһ...* - просьба моя невелика...), режы дополнения (... *жирһлтэ иргчүр зүтжэ йовна* (X.v.) - ... стремятся к счастливому будущему).

В значительно большей степени, чем субстантивация, наблюдается процесс адъективации настоящего П., который возникает в результате утраты данной формой временной определенности действия и других глагольных признаков: *хээгч кедлмш* - поисковая работа, *залгч кучн* - направляющая сила, но данная форма продолжает оставаться в пределах причастий, т.к. существуют соотносительные с ними причастия наст.вр. с залоговым, видовым и временным значением: *хээгч кун* - ищущий человек и др.

Многократное П. (-дг) противопоставляется настоящему П. по своей количественной характеристике как "ряд последовательных

акций одного и того же действия" (Г.Д.Санжеев, 1963: 206) и отно- сится также к сфере расширенного настоящего времени. Преобладаю- щая часть многократных П. употребляется в определительной функ- ции: *Седклинь медда еерхн иньень.., уудг унднь...* (Б.Б.) - *Понима- ющий ее душу близкий друг.., утоляющие ее жажду...*

Подвергаясь субстантивации, многокр. П. приобретает значение объекта действия и значительно реже субъекта: *сегсрдг - галдушки, галдг - выдвижной ящик, маньдг - знакомый*. Они выступают в роли простого или развернутого подлежащего (*Би танд ирдгем... - Мей приход к вам... Зун бийнь ахлдгнь...* (Дж.) - *Возглавляющий их сле- ва...*), дополнения (*Му дгасн маньдгтан баатр (посл.) - Плохой во- ин над своими знакомыми "богатырь"*).

Продолжительное П. (-а) обозначает начавшееся прежде и про- должжающееся в момент речи действие, представленное как характери- зующий признак предмета: *кэдла салькн - продолжакщий дуть ветер, тэрзин емн урһа модн - дерево, растущее под окном*. Это единствен- ная причастная форма, которая не подвергается субстантивации, а значит не употребляется в субъектной и объектной позиции и выступает в атрибутивной функции, как и в монгольском языке, а в бурятском языке эта форма довольно часто употребляется в объектно-обстоятельственной функции (Г.Д.Санжеев -1963: 213). Значение особой продолжительности действия-признака данной форме придает утвердительная частица -л: *келдэл кун - человек, всегда говоривший и продолжакщий говорить*.

В отличие от монг. и бур. в калм. языке вместо отрицательной формы продолжительного П. употребляется разделит.Д. с отрицанием: *келад уга уг- не сказанное слово, ирад уга кун - не пришедший че- ловек* - в значении ожидаемого действия, которое произойдет в бу- дущем.

Таким образом, все три формы причастий настоящего времени противопоставляются по тому, что настоящее П. обозначает признак предмета как "единный процесс", многокр.П. - обычный постоянный признак, несмотря на то, что процесс распадается "на ряд акций", а продолжит.П. - признак предмета как процесс, начавшийся прежде и продолжающийся в момент речи или повествования.

Причастие прошедшего вр. (-сн), по Г.Д.Санжееву, больше дру- гих П. сохраняет исконную природу П. вообще. Оно обозначает, что процесс, представленный как характеризующий признак предмета, со- вершился полностью в прошлом. Наиболее часто оно употребляется в

роли определения: *сүргэс салсн гэрэсн* - *отбившийся от стада сайгак*, *шведсн жидин үзүр* - *вонзившиеся наконечники копий*. Процесс-признак может быть совершен и не самим определяемым предметом, а другим лицом: *кеерүгдсн делтринь* - *украшенный подполтник его*, *хаһлчксн һазр* - *вспаханная земля* - в этом случае П. выражает значение страдательности (см. с.6 - Залоги). Причастия прош.вр. в атрибутивной позиции обозначают не только абсолютное (во взятом вне контекста сочетании: *увлэсн мал-гимовавший скот*, *гүүсн мөрн-бежавшая лошадь*), но и относительное время, устанавливаемое на основании временного значения глагольного сказуемого (буд.вр. либо наст.вр. (момента речи)): *Эндэс йовсн ку дахулад тавчкпн* (*йовсн кун* = буд.вр.) - *Мальчика отправьте ко мне с человеком, который поедет отсюда* (К.А.): *Көдлсн чаңһ салыкнд нигт кек кулсн һаэхлдн* (М.Н.) - *От сильного ветра, дующего с юга, колышется сухой камыш* (*көдлсн* = наст.вр.).

П. прош.вр. активно подвергается синтаксической субстантивации, но (в глагольном виде) сохраняет ярко выраженную глагольность: модели управления и примыкания (*Чон эндр туулала харһж ирсндэн бийэн ик хөөтэд тоолж байрлв* - *Волк обрадовался своему счастью: сегодняшней встрече с зайцем*). При этом в синтаксической роли имени существительного выступает весь причастный оборот, выраженный развернутым подлежащим, дополнением, обстоятельством - образа действия, причины, цели, места и т.д. При окказиональной субстантивации П. прош.вр. субстантивы обозначают лицо по какому-л. признаку: *Эдснд эмч кергго...* (посл.) - *Выздоровевшему не нужен доктор...*, либо "опредмечивают" процесс-признак: *харһж ирсндэн байрлв* - *обрадовался своей встрече (с зайцем)*.

П. прош.вр. в форме им.п. обозначает субъект действия, либо само действие, выступает подлежащим, нередко принимая лично-притяжательные частицы: *Деплсн дөрв хондг* (посл.) - *Прямо идущий чепыре дня потеряет. Мана бригадтан куундсндн...* (И.Л.) - *Наша беседа в бригаде...*

П. прош.вр. в форме род.п. с послелогом *хөөн*, *эрд* "после" и с зависимыми словами образует причастный оборот, выраженный развернутым обстоятельством времени: *Дэгнас ирснэ хөөн...* (И.У.) - *После возвращения с фронта...* А с послелогом *туск*, *тускар* "о" обозначает предмет речи и выступает в качестве косвенного дополнения: *Туим мектэ арат ирснэ тускар...* (О.Б.) - *О приходе такой хитрой лисы...*

II. прош. вр. в форме вин. п. с частицами притяжания и без них выполняет функцию прямого дополнения и обозначает действие, происходившее в прошлом: *Сэн кун үзсн соңссан...* - Умный рассказывает о том, что видел (об увиденном)... *Тадна келсимн...* - Рассказанное вами...

В дат.-мест. п. субстантивная форма II. прош. вр. обозначает причину действия, цель действия, лицо, в пользу которого совершается действие: ...*идх кстан эрт чиласидан кевви һундад йовна* (Б.Б.) - Юноша огорчен тем, что раньше времени закончилась еда. *Соңсхд менд бахта...* (посл.) - Чтобы слушать (для слуха), приветствие желанно... *Даарснд һал твл...* (посл.) - Для озябшего разведи огонь...

В форме оруд. п. II. прош. вр. указывает на причину совершаемого действия: *Дуудулсар кевуд военкоматур ирж йовцхана* (О.У.) - Так как вызвали (по вызову), юноши идут в военкомат. Ряд форм, утратив свойства субстантива, обозначают длительно протекающее в прошлом действие, в продолжение которого совершается соотносительное с ним действие основного глагола, и образует продолжительное деепричастие (А.Бобровников, & 262), которое отличается от субстантивной формы тем, что не присоединяет к себе частиц притяжания: *Мана ик кевунас даанд одсара заңс үза баав* (К.Т.) - От нашего старшего сына с момента ухода на войну не было известий.

Субстантивное употребление II. прош. вр. в исходном падеже с послелогом *нааран "с"* обозначает время, с которого началось действие основного глагола: *Дэн числнас нааран...* (О.У.) - Со времени окончания войны. Сочетаясь с послелогом *тал* в иск. п., II. прош. вр. обозначает место действия основного глагола: *Уудн һарсн талас...* - С места скопления туч...

В форме направит. п. II. прош. вр. обозначает объект, либо место, к которому направлено действие основного глагола: *өмн өдртнь темдгелснурн курэд ирцхэв...* (Д.Б.) - ...пришли к опметке, сделанной в предыдущий день. Значение направленности действия передается и сочетанием II. прош. вр. с послелогом *тал "к"*, равным с формой направит. п.: *шамин һал үзгдсн тал (=үзгдснур)* - ...направились к увиденному свету лампы...

Автором рассмотрены наиболее продуктивные формы субстантивного употребления II. прош. вр.

Причастия будущего времени (-х) обозначают, что процесс, представленный как характеризующий признак предмета, совершится в

будущем, после момента речи: *мордх кууки* - девушка, которой предстоит выйти замуж, *унх шудн* - зуб, который выпадет. Форма П.буд.вр. является грамматической омонимией двух форм глагола: во-первых, инфинитива, глагола на -х в значении абстрактного действия, существование которого традиционно отрицалось в монголоведении (З.К.Касьяненко, 1968: 13; Г.Д.Санжеев, 1962, 1963), но наличие его в монгольских языках было отмечено А.Поповым (с. 134), Г.Рамstedтом (1903) и Т.А.Бертагаевым (1964: 41); во-вторых, формы буд.вр. изъявительного наклонения (Т.А.Бертагаев, с.84, 96-97, 99-100; Б.Бадмаев, с. 85-86).

Преобладает употребление П.буд.вр. в атрибутивной позиции: *гэрэлх гэрэсн* - дикие звери, на которых можно будет поохотиться; *куунд келдех үг* - слова, которые должны быть высказаны другому. Основное временное значение атрибутивного П.буд.вр. - следование за моментом речи, а относительное - характеризовать определяемые предметы с точки зрения его назначения: *дасх дестр* - учебник для изучения, *сазх укр* - дойная корова, а также уже совершившегося действия: *Нун орх насндан эрнэл зөөрдн үрэ цагт кел өрөж мордсн* (Дж.) - Когда пошел ему третий год, он сел на своего трехлетнего Рыжко.

П.буд.вр. значительно чаще других П. подвергается синтаксической субстантивации, сочетается с послелогами, принимает частицы притяжания и выступает в функциях развернутого дополнения, обстоятельства и реже подлежащего, в объектном употреблении может быть и одиночное П.: *Уйдхан санад...* - думая о своем предстоящем.

П.буд.вр., будучи в формах род. и исх.п. с послелогами *эмн*, *урд* "перед, прежде, до" указывает на время совершения действия: *Намрин сар эклхин эмн...* - До наступления осени... *Балзг йовхас урд...* - До отъезда Балы... Формы П.буд.вр. этого типа выражают не предварительность, как ошибочно отметила В.Дамбинова (1975, 84), а последовательность, т.е. свое основное временное значение, не ограничиваясь близостью или отдаленностью от совершения действия основного глагола. Напротив, П.буд.вр., в род. и им.п. сочетаясь с послелогами: *алднд* - около, *кемд* - во время, указывают на близкое время до совершения действия основного глагола: *дан тэгсхин алднд (кемд)* - накануне окончания войны. Они же, сочетаясь с послелогами *хоорнд* "между тем, как", *зуур* "в промежутке, между, в, во время", *деер* "в момент!" имеют значение одновременности,

т.е. временного отрезка, в течение которого совершается действие основного глагола: *орад һарх хоорнд - сонъмсцхана* - Когда забегаешь к ним, ..интересуются, *кулх деер кулций* - во время связывания поможем связать. К этому же ряду относится и сочетание с послелогом *дугм, дупман* "чем больше.., тем..," обозначающее одновременное усиление двух действий: *Бадм келх дупман улм хурцдад ирв (ХОТ)* - Чем больше Бадма говорил, тем речь его становилась острее.

В сочетании с послелогом *курпл* "до" действие II.буд.вр. обозначает предел, до начала которого должно совершиться действие глагола: *"нарн мандлх курпл мини нурһн деер тор (Х.т.)* - Продержись на моей спине, пока не засияет солнце.

Объектное употребление буд.П. в род.п. с послелогом *тала* "ради, для", *керет* "для того, чтобы..." обозначает цель действия: *баһчудыг дасххин тала* - для обучения молодежи, *саанар сурхин керет* - для того, чтобы хорошо учиться. Сочетание с послелогом *тукс* "о, про, в отношении" обозначает предмет речи: *колхоз бурдәхин тукс хурз* - собрание о создании колхоза; с послелогом *ормд, орд* "вместе" передает заменное значение действия причастия действием глагола: *...арһсн-тулана кун болж заредхин орд...цусан асхлинав (Дж.)* - Чем быть сборщиком арсала, ..лучше пролью чашу крови...

II.буд.вр. в дат.-мест.п. с частицей притяжания и без нее выступает в различных функциях и обозначает: адресата действия (...*медхд уг кел* - ...говори тому, кто поймет), назначение и цель действия (...*ухала кун сурхдан дурлна* - ..умный тяготеет к учебе), обстоятельство времени, действие которого предшествует действию глагола в прошлом (*Колхоз тогтхд эн түрүн болж бичгдла (М.Н.)* - Во время образования колхоза он записался первым). Сочетаясь с послелогом *цагт* "во время", выступает также в функции обстоятельства времени (*Саратовд сурһуль сурч йовх цагт...* - Во время учебы в Саратове...).

II.буд.вр. в вин.п. обозначает процесс действия и выступает в функции прямого дополнения: *...хол һазрт гүүхан санв* - ...думал о своем беге на большое расстояние.

В орудн.п. субстантив II.буд.вр. употребляется непременно с частицей притяжания и выступает в роли обстоятельства образа действия, а также средства совершения действия: *укн гүүхарн салдс хурдлж йовла...* (Н.М.) - ...солдат мчался быстрым бегом... *Эгэн үкхарн эалһдг...* (посл.) - Старуха пугает своей смертью... Данная

форма субстантива является грамматической омонимией отпочковавшихся от него целевого и заменного деепричастий, которые от него отличаются своими значениями и тем, что не принимают частиц притяжания: *мерд услхар одла* (целевое Д.) - *пошел напоить лошадей*, *Уг медшго куунд уг келхар, украин өвр деер зарм цац* (посл.) - *Чем разговаривать с непонимающим человеком, лучше посыпать просо на рога коровы*. Подобный субстантив без частицы притяжания аналогичен отьменному глаголу: *кавун мерна гуухар* (= *мерна гуудлар*) *дов-тлж йовла* - *Юноша галопировал, пользуясь бегом коня*.

Субстантив П.буд.вр. в им.п. выступает в функции подлежащего, принимая лично-притяжательные частицы и обозначает отвлеченное действие или процесс действия: *Уух идхнь элэг* - *Питье и еда в изобилии* ... *кувкн азашнь угдв* - ... *было видно, что идет девушка*. Употребление данного субстантива чаще всего аналогично временному значению условного Д.: *Аң шову харвж йовкнь*... - *Когда охотился на птиц*...

В калмыцком языке, как и в других монгольских языках, буд.П. в соединит.п. не употребляется, данная форма явилась "родоначальником" условного Д. с аффиксом -хла (М.Н.Орловская, 1958: 105).

Анализ П.буд.вр. показал, что оно является одной из наиболее продуктивных причастных форм. В атрибутивной функции в значительной степени раскрывается сущность природы П.буд.вр., в субстантивном употреблении преобладают падежные формы с послелогам, частицами притяжания и без них род., дат.-мест., вин. и иск.п. Форма субстантива в оруд.п. выступает более ограниченно, т.к. стала базой для формирования целевого и заменного Д., а форма соединит.п., полностью утратив субстантивные свойства, перешла в разряд условного Д. Названные Д. обозначают второстепенное действие, соотносительное с действием глагола, и выражают различные обстоятельства его совершения.

Потенциальное П. (-м) является малопродуктивным и обозначает действие-признак предмета, совершение которого оказывается возможным, вероятным и допустимым в будущем, либо признается очевидным, неизбежным и необходимым и совершается в рамках расширенного наст.вр. В отличие от других монгольских языков оно встречается только в атрибутивной позиции: *куцам керг* - *дело, которое возможно выполнить*, и *выполняемое дело, келм уг* - *слово, которое можно сказать*, и *произносимое слово*. Значение возможности или очевидности усиливается присоединением к данной форме подтверждающей

частицы -л: келмл кун - человек, который, весьма очевидно, способен говорить, либо ослабляется сочетанием данной формы со словом дуңса - "приблизительно": келм дуңса кун - человек, который, возможно, сумеет сказать. Вызывает возражение идея Б.Бадмаева считать данную форму отглагольным прилагательным (с.94), т.к. потенциальное П. обладает основным свойством глагола: управлять другими именами. С помощью суффикса -м(-мр) образуются относительные прилагательные, мотивированные глагольной основой, и обозначают только признак предмета: халхмр - вышпый, умшмр - читабельный. Данное П. не подвергается субстантивации.

Страдательное П. (-ата) является одним из средств выражения значения страдательности в условиях субъектно-объектной необратимости. Оно обозначает действие-признак, которому подвергается или в котором пребывает определяемый предмет, поэтому не вступает в залоговое противопоставление актива-пассива: татала теэри - зап-ряженная телега, халхала жидмуд - волкнутое копьё. Они употребляются преимущественно в определительной позиции и указывают, что действие-признак определяемого предмета уже совершено в прошедшем времени.

Глава 7. Деепричастие. В ней исследуется сложная развитая система глагольных форм, лишенных самостоятельного временного значения, и обозначающая добавочное (второстепенное) действие при основном действии, выраженном финитной формой глагола. Обозначая "отношение действий между собой" (А.Бобровников, с. 305-306), Д. называют либо сопутствующие действия, либо обстоятельства, при которых совершаются основные действия, и традиционно делятся на сопутствующие и обстоятельственные. К сопутствующим Д. относятся соединительное Д. (-х, -ч): барх от барх - держа; слитное (-н): бишл дуул от бишл - танцую пел и разделительное: серэд от серх - проснувшись.

К обстоятельственным Д. относятся условное (-хла, -вас): келхла от келх - если скажет; предельное Д. (-тл): гүүһад иртл от зүүһад ирх - пока прибежали; последовательное (-хларн): цадхларн от цадх - как только насытился; предварительное Д. (-м цацу): сум цацу от суух - как только сел; продолжительное (-сар): Зооглсар от зооглх - с тех пор как трапезничал; целевое (-хар): саахар от саах - чтобы подоить; заменное (-хар): дуулхар от дуулх - чем распевать... лучше бы...; уступительное (-вчи): нуувчи от нуух - хотя и скрывает.

Проблема деепричастий издавна привлекала внимание исследователей и отражена в их трудах (Я.Шмидт, О.Ковалевский, А.Попов, А.Бобровников, Б.Я.Владимирцов, Г.Д.Санжеев, Т.А.Бертагаев, Г.Рамстедт, Дж.Стрит, Н.Поппе, Д.А.Алексеев, А.Шархуу, Б.Б.Бадмаев, У.У.Очиров, Г.Ц.Пюрбеев и др.). Все они отмечают высочайшую продуктивность Д., так как они отличаются многообразием форм и семантико-синтаксических функций в противоположность спрягаемым формам глагола, употребляющимся только в роли сказуемого. Однако накопленные по Д. сведения достаточно разноречивы и требуют дальнейшего углубленного анализа в конкретных языках. До сих пор наблюдается разноречие в установлении их количества (у разных исследователей оно колеблется: в монг. от 9 до 15, в калм. от 6 до 11, в бур. от 8 до 14, в монгол. и дагур. 8-9, в дунс. 6-7 и т.д.), в толковании значений и наименований форм.

Сопутствующие Д., за редким исключением, распространены во всех монгольских языках. Что касается выявления и классификации обстоятельственных Д., "исторически образовавшихся значительно позже сопутствующих и статистически употребляемых гораздо реже, нежели последние" (Г.Д.Санжеев, с. 228), по семантико-грамматическим разрядам, то не все они представлены в конкретных языках, этим обусловлено разноречие в количестве Д. в них. Так, в совр. калм.яз. Г.Д.Санжеев выделил три разряда обстоятельственных Д.: усл., предельн. и последоват. (1941), позднее добавил уступит. Д. (1963). Этот ряд Б.Б.Бадмаев дополнил мгновенным (-м цацу) Д. (1964). А.Ш.Кичиковым (1963), Р.П.Дораевой-Харчевниковой (1983) в этот разряд были включены продолжит., заменное и целевое Д.

При анализе Д. мы постулируем набор глагольных форм, выявленных разными авторами и объединенных в разряд Д. по своим общим лексико-грамматическим свойствам, и анализируем их дистрибуцию в свете разрабатываемых калмыковедами проблем модально-видовых и временных категорий, различных типов синтаксических конструкций и способов словообразования, тесно связанных с Д.

Д. в калм.яз. совмещает в себе свойства глагола и наречия. К наречным признакам Д.относятся его неизменяемость, зависимость от глагола, а также способность выступать в значении признака действия (в виде добавочного действия), т.е. употребляется в функции обстоятельства образа действия (*шууж наадсн шовуд - шумя, галдевшие птицы, урж, тэрж нисв - испугавшись, разлетелась* (букв.) *брассыгнуу*), времени (*цөөнн цэг давхла... - когда прошло немного*

времени...), условия (...дегаж келхла, һазрт керси эс узиди олн - ...если сказать преувеличивая, не видно земной коры), цели (һазд-хар һарв - вышел поиграть), причины (Көгшрад, авнь земни - Составившись, дед заболел).

Таким образом, Д. в отличие от глагола характеризуется многообразием семантико-синтаксических функций, и действие его связано с основным глагольным действием отношениями образа действия, времени, условия, цели и причины. Однако наличие адвербальных значений в Д. не выводит их за пределы глагольных форм. Напротив, в них довольно заметно преобладание универсальных категориальных признаков глагола.

Как правило, Д. образуется только от глагольных основ и имеет общие с ними лексические значения и тесно связанные с ними значения переходности и непереходности: булата эер олж, - найдя (что?) клад, дови деер сууһад - сидя (на чем?) на холме. Д. обладает такими морфологическими категориями глагола, как залог и вид. Оно образуется от всех основ действит.З, преимущественно от основ побудит., совм. и взаимн.З. и менее регулярно от основ страдат.З., сохраняя в себе залоговые отношения в рамках деепричастного оборота, либо в составе аналитической конструкции, основным компонентом которой они выступают: умшад (действит.З.) - читая, умштадад (страдат.З.) - будучи прочитан, умшулад (побудит.З.) - заставив, позволив читать и т.д.

Д. образуются и от видовых основ, сохраняя в себе видовое значение производящего глагола: умшад (нейтральн.В.), умшчкад (законч.В) - прочитав, умшжаһад (длит.В.) - читая определенное время, умшс гуһад - едва прочитав, умшцхатл (учащат.В.) - до того, как прочитав.

К синтаксическим глагольным свойствам Д., общими с глаголом, относятся способность управлять: иньгэтәһән - (встретившись) с другом, уснд булххла - если погрузиться в воду; способность сочетаться с наречиями: һазраснь чаңһар барад - взяв крепко за руку, герт арһул орвчн - хотя тихо вошел в дом. Сопутствующие Д. (соед. и разделит.), тесно примыкая к глаголу и обозначая слитное действие, нередко в сложно-сочиненных предложениях выступают в сказуемостной функции: Салькн улм шүрүдад, кийтн чаңһрад баав (Б.Б.) - Ветер усиливался, мороз все крепчал. Конструкции с Д. могут быть синонимичны конструкциям с однородными членами предложения (сказуемыми): Галя укс босад, .. эгшһад, ... нудан арчад, гервурн орад,

чирәһән уһав (Э.К.) - Бала быстро встал, ... гевнул, ... протер. (глаза), вошел в дом и умылся.

Для обстоятельственных Д. в отличие от сопутствующих характерны: неспособность выступать компонентами аналитических глагольных образований; способность условных, последовательных и предельных Д. присоединять частицы притяжания: *хәрҗ ирхләчн* - если ты вернешься, *хәрҗ ирплән* - до своего возвращения; существенным отличием является синтаксическая и смысловая стабильность. Каждая форма однозначна и употребляется лишь в порядке подчинения, находясь с основным действием, выраженным глаголом в определенных временных, условных, причинно-следственных и целевых отношениях.

Таким образом, общим для всех Д. является то, что в синтаксическом отношении они не могут быть подлежащим, определением именных членов (что свойственно причастиям) и в своей основной массе не способны выступать в роли сказуемого простого предложения.

Д., обрастая зависимыми словами, образуют Д. обороты, которые нередко бывают синонимичны придаточным предложениям (А.Ф.Фетисов, 1956, Э.В.Касьяненко, 1966): временным придаточным предложениям синонимичны конструкции с условным, предельным, последовательным, предварительным и продолжительным Д. (*Бовре герәс һарн, хооран эрхлә...* (Д.Б.) - Когда Боврыг, выйдя из дому, повернул в сторону...), причинным (*Туудә суудрәсн заһад, сөөни дуусн гүһад же гиж муурв* (Х.Т.) - Заяц сильно устал, потому что, испугавшись своей тени, пробежал всю ночь), уступительным (*һаза баәсн мәлин то хасәдвчн...* (Д.Б.) - Хотя количество скота во дворе сократится...), целевым (*Шин йос харсхар Улана церет Гриша мордв* (Н.М.) - Гриша ушел в Красную Армию, чтобы защищать новую власть) и т.д.

Многообразием Д. форм и отношением между действиями Д. и глагола обусловлено наличие или отсутствие субъекта в Д. обороте. Т.А.Бертагаев и Г.Ц.Пюрбеев верно указывают на два типа оборотов: простой, в котором всего лишь один ведущий член (П. или Д.), и самостоятельный - с двумя ведущими членами: П. или Д. и субъект оборота (1964, с. 128 и 1977, с. 206-207). Анализ и обобщение материала показывает, что простые Д. обороты постоянно образуются слит., последоват., целевым, заменным Д.: ...*кәлн босв* - ...сказав, *вскочил, һааджар һарв* - вышел поиграть и т.д. В простых оборотах действия, выражаемые Д. и глаголом, выполняются одним субъ-

иктом-подлежащим, к которому не способны присоединяться частицы притяжания:

Отдельные обстоятельственные Д.: усл., предельн., предварит. и продолжит. образуют только самостоятельные обороты, они обозначают действия, субъект которых всегда не тождествен субъекту действия глагола: Чонын дун уурхла, хэд чигн... (М.Н.) Когда прекратился вой волка, овцы..., Бадм...кевтл, залу улсин дун соңсөдө (Д.Б.) - Пока Бадма лежал..., услышались голоса мужчин. Ларлу ирм цацу, хург эклв - Как только пришел Ларлу, соборание тотнас началось и т.д. Соед., разделит. и уступит. Д. способны образовывать как простые, так и самостоятельные обороты: Ноһан залар гертлж, наадад дольгарж, мелмлзгэ - Трава, пламенем сверкая, израя, колыхаясь, волнуется и Генлгн салькн влаж, герт айта серун орэ - Вдруг подул ветерок, и в доме наступила прохлада и т.д.

Д. в монгольских языках не обладает морфологически выраженным временным значением, т.е. оно в отличие от глагола и П. лишено категории времени. Время действия Д. определяется словами с семантикой времени (Гертэсн өцклдүр һарад - Выйдя вчера из дома, ...) или по его отношению к основному действию глагола и может обозначать одновременность (слит.Д.: инан келв - смеялся сказал; соед.Д.: тарж нисв - разлетелись враспылную; разделит.Д.: үрэгд тарг - испускаясь рассыпались и уступит.Д.: унвчн уулькш - хоть падает, но не плачет), длительность (продолж.Д., а в отдельных случаях предельн.Д.: Кэвун цергт йовсара, .. - С тех пор, как сын ушел в армию, .. маниг келджалмдн бригадт, .. - Когда мы работали в сенокосной бригаде, ..), а также предшествование (разделит., усл., последоват. и предварит.Д.: Госпиталяс һарад, нег сар амрчкад, .. Элстур ирүв (И.Л.) - Выйдя из госпиталя, месяц отдохнув, ..прибыл в Элисту. Ода нег жил мину мал хэрүлхлэ, тегэд өч болх - Если еще один год будешь пасты мой скот, ..тогда можно дать расчет, ..шөл уукларн, эдгн гиж баанав (Х.Т.) - как только поем бульон, .. поправлюсь. Баатр суум цацу, Ларлу бось (Д.Б.) - Как только сел Баатр, естал Доедын) и следование (предельн., целевое и заменное Д. (колхозникүд зүүһэд һарч ирлн, .. (М.Н.) - Пока колхозники выбежали из дома, .. будн талрад чилгерткля, өвгн цааһан уухар хэрв (И.У.) - когда туман рассеялся, .. старик отправился домой пить чай. Угэн идхэр, украин ид (посл.) - Чем не держать свое слово, лучше съешь свою корову.

Изложенные общие сведения о Д. использованы автором для ана-

лиза их дистрибуции в современном калмыцком языке.

Соединительное Д. (-ж, -ч) обозначает действие, которое тесно связано с основным действием и выражает побочное действие, поясняющее основное действие, выраженное глаголом. По своему значению оно универсально и выполняет ряд функций: поясняя, каким образом совершается основное действие, оно выражает обстоятельственное действие: ...*скирд өвсн курилдж, бослдв* (Д.Б.) - ...поднялись, возвышаясь, скирды сена. Когда же действие соед.Д. протекает параллельно с основным действием, оно выступает в роли сказуемого слитного предложения: *Дорд үзгин чаңһ салын кедлж, хаврин чицгта һазр хагсжана* (Бал.А.) - С востока подул сильный ветер, весенняя сырая земля начала высыхать.

В сочетании со вспомогательными глаголами соед.Д. образует аналитические формы, в зависимости от последних имеющие ряд значений. Чаще всего сочетается со вспомогат. глаголом *баэж* - есть, образуя форму длительного вида: -ж *баэ*- и синтетическую -жа, -ча: *кедлж, баэһэд = кедлжәһэд* - поработает. Присоединяя аффикс наст.вр. -на, формирует показатель конкретного наст.вр. -жана, -чана. А в сочетании с функционально-служебным глаголом *оркх* - ставить, класть образует показатель законченного вида: аналитический -ж, -ч *орк* и синтетический -чк: *кузундан өлгж, оркад = өлгчкад*. В сочетании с модальными (*өөмж чаджанат* - можете купаться), фазовыми и другими служебно-функциональными глаголами (*хувцан таалж хайчкад* - сбросив с себя одежду, *эмсхж кевтна* - лежит задыхаясь = задыхается, *унлж одв* - уснули, *унж ирв* - выпал) соед.Д. образует модально-временные, видовременные глагольные формы, основное лексическое содержание которых заключено в Д., а грамматическое значение - во вспомогательных и служебных глаголах.

Встречаются удвоенные и парные формы соед.Д., образованные соответственно от одних и тех же, либо от разнородных глагольных основ. Они передают значение продолжительности и многократности действия: *келж-келж муурв* - говорил-говорил и *устал, таньж-үзж йовлав* - знавал (букв. знакомясь-видя).

Разделительное Д. (-ад) в противовес соед.Д. обозначает побочное действие, обычно предшествующее действию основного глагола: *Чоныг эмдэр берэд, аңһуч амһалад, эмал дееран кендиц хаяд, бийнь эмалин ард суув* (О.У.) - Охотник, поймав волка живым, надев ему намордник, бросив поперек седла, сам сел позади. Несколько разделит.Д. могут обозначать действия, протекающие либо одновре-

менно, либо последовательно, но в общей сложности они предшествуют действию основного глагола: *...мертэ кун ирж бууһад, меран кепһад, энд-тендэн халаһад, ...кадлуах куукд улс тал ирж йовна* (И.Л.) - *Верховой, подъехав, слез с коня, ...не отпуская поводья, о чем-то размышляя, направился к работающим женщинам.* Некоторые разделит.Д., обозначая одновременность, либо последовательность, передают в какой-то степени законченные действия, поэтому они близки по значению к однородным сказуемым: *Миусин му кичэ нурһан дуһулад, ноосан ширвилһад, сахлан сарсалһад, шудан ирғалһад, ғамштэ өңз һарад зогсв* (Т.Г.) - *Невзрачный котенок выгнул спину, вздыбил шерсть, распушил усы, сдернулся и принял страшный вид.*

Разделит.Д. в предложении выступают обстоятельствами причины (*Дегд халурһад, уурһад, Манж байн квунас гувдулв* (М.Н.) - *Сильно погорячившись и разозлившись, Манджи был избит богачом*) и образа действия (*Акш Чуденович зврәннь дуунас есрэд серв* (Х.у.) - *Акш Чуденович, испугавшись собственного голоса во сне, проснулся и вскочил* (букв. *вскочив,...*)).

Разделит.Д. в калм. яз., в отличие от той же формы в других монг. яз., употребляется с отрицанием *уга* - *нет* и выступает с изъяснительной модальностью: *Наснаннь туршар шим журһл үзэд угав* (К.С.) - *В жизни такого счастья я еще не видел.* Они служат составными частями сложно-сочиненного предложения, обозначая действия, которые происходят либо одновременно, либо последовательно.

Слитное Д. (-н), сочетаясь с отрицательной частицей *уга* (-го) принимает аффикс -л (-л *уга*, -лго) и обозначает дополнительное действие, одновременно протекающее с действием основного глагола, оно образует с ним как бы неразрывно слитное действие: уточняет и поясняет. при каких обстоятельствах совершается основное действие, выступает преимущественно в роли обстоятельства образа действия: *домбр шавдн цокх* - *играть на домбре, равномерно постукивая; инәмсклн келв* - *улыбаясь, сказал, ишкрн дуулад баав* - *нависпывая, напевал.* Сочетание слитного Д. с глаголами *баах* и *йовх* - *идти*, а также повторение одной и той же основы, вторая часть которой в форме соед.Д., вносит в значение одновременности с основным действием глагола оттенок продолжительности действия Д.: *улн бааж келв* - *поглаживая, сказал, ишкрн йовж эргв* - *нависпывая, обошел; сун сууж* - *продолжая сидеть.* В этом случае действие основного глагола совершается на фоне действия Д. В форме слитн.

Д. могут сочетаться и разные основы: *хахн-цахн - даваясь и захле- бываясь, унпи-кевпи уга - не спавши-не лежавши.*

Слитн.Д. имеет также значение действия, по окончании которо- го мгновенно, тотчас начинается основное действие, выраженное глаголом: *бун киисэд - соскочив, упал; Хотан ун, орндан орв - Как поел, тотчас лег в постель.*

Имеются немногочисленные случаи утраты данной формой Д. гла- гольных свойств и перехода ее в наречие: *дахлди - следом, селли - попеременно.* Слитн.Д. имеет более ограниченную сферу употребле- ния, нежели соед. и разделит.Д.

Обстоятельственные Д., по мнению Н.Пёппе, представляют собой измененные косвенные падежи причастий, хотя некоторые деепричас- тия - это глагольные формы по происхождению или номинативные фор- мы причастий (& 249). Именное происхождение Д. отмечалось и дру- гими исследователями (см. главу Причастие). Количество обстоя- тельственных Д. в совр.калм.яз. у разных авторов колеблется от двух до восьми. Некоторые из них продолжают рассматривать их как падежные формы причастий (Д.А.Сусеева, 1969; У.У.Очиров, 1990), поэтому У.У.Очиров включил в число обстоятельственных Д. только условное и предельное Д.

Условное Д. (-хла, -вас) выражает такое действие, которое яв- ляется условием, предпосылкой совершения действия, выраженного основным глаголом. По времени оно предшествует действию основного глагола: *Медси болхла, үүнэс хооран камзал емсдгэн уурнч? (М.Н.) - Если ты поняла, то с этого момента перестанешь носить камзол? Халавас, тиньер у тег (Т.Г.) - Куда ни помотришь, ровная беск- райная степь.*

Усл.Д. нередко встречается и во временном значении. Оно име- ет значение предшествования в том случае, если сказуемое основной части предложения употреблено в форме прош.вр.: *Намаз уурлхла евен инадган уурв (М.Н.) - Когда я возмущился, старик перестал смеяться.* А значение следования - в том случае, когда сказуемое основной части употребляется в форме прош.вр. на -ж: *Ирхлгмди, шофер машинан зогсачкси бааж (Д.Б.) - Когда мы пришли, шофер, оказывается, поставил машину.* Для усл.Д. характерно образование только самостоятельного Д.оборота, оно имеет свой субъект дейс- твия в форме им., вин.п., либо притяжательных частиц, наращивае- мых к Д.

Последовательное Д. (-хларн) обозначает действие, в момент

завершения которого становится возможным основное действие, выраженное глаголом: *Герасна хурһн бедурхларн, зерле зацзан медвлад баав* (О.У.) - Сайзак, повзрослев, спал проявлять свой дикий нрав. Последоват.Д. может выражать и действие, происходящее одновременно с основным: *Эн куукиг уңһахларн, эмги эвраннь кувкән хаана көвунд өзх санаһар уңһав* (Х.Т.) - Старуха бросила (в колодец) эту девушку, замыслив отдать в жены ханскому сыну свою дочь. Представляется, что к данному Д. больше подходит характеристика предварительного Д., по А.Бобровникову, которое "служит для показа такой связи между действиями, по которой одно из них непосредственно является за другим, как следствие" (с. 302).

Предварительное Д. (-м цацу) обозначает действие, которое опережает совершение действия, выраженного основным глаголом. Оно по значению несколько совпадает с последоват.Д., но отличается от него тем, что образует только самостоятельный оборот, т.е. непременно имеет свой субъект действия, не тождественный субъекту-подлежащему при основном действии, выраженном глаголом (а последоват.Д. образует только простой оборот): *Залуз герт орм цацу, герт сууси улс хээкрлдихэв* (Б.Б.) - Как только мужчина вошел, сидевшие в доме люди закричали.

Продолжительное Д. (-сар) является грамматической омонимией субстантиву причастия прош.вр. в орудн.п., со значением развернутого обстоятельства причины. Существование этой деепричастной формы было отмечено Н.Поппе (& 240). Продолжит.Д. обозначает длительно протекающее действие, на фоне которого совершается основное действие, выраженное глаголом: *Улмж, эн колхозд орсара уни седкларн көдлә* (Э.К.) - С тех пор, как вступил в этот колхоз, Улмдж работает добросовестно. Синонимичной по значению с данной формой является форма с аффиксом -хара: *Энүз би Кулундад баэхарэ медж авлав* (И.Л.) - ...это я освоил с тех пор, как жил в Кулунде. На наш взгляд, ограниченное употребление приводит к смешению значения продолжит.Д. со значением субстантива причастия прош.вр. в орудн.п.

Предельное Д. (-пл) обозначает действие или состояние, до наступления или завершения которого должно произойти основное действие, выраженное глаголом: *Намаз көлдмшэс ирил, чи ормдан бэажэ* - До моего прихода с работы (букв. пока я приду), ты будь на своем месте. Оно может обозначать также действие, до завершения которого совершается основное действие, точнее, на фоне действия

предельн.Д. совершается основное действие: *Аңһуч бууһан суһлж автл, чон зевар холд йовж одв* (С.Б.) - Пока охотник снимал с плеча ружье, волк убежал довольно далеко. Кроме того предельн.Д. обозначает такое действие, вопреки которому происходит основное действие: *Кун укә баатл, инаһад йовдмч* (Х.т.) - Человек ведь умирает, а ты смеешься.

Целевое Д. (-хар) отпричастного происхождения (Н.Поппе, & 223) и обозначает такое действие, которое указывает непосредственно на цель действия, выраженного спрягаемой формой глагола: *евэн тал йовхар седв - стала собираться к старику, наадхар һарч одихава - вышли поиграть*. Оно не принимает частиц притяжания и в предложении выступает в роли обстоятельства цели.

Заменное Д. (-хар) является грамматической омонимией целевого Д. Оно малопродуктивно, так как синонимично форме П.буд.вр. с послелогом *ормд (орчд)* - *вместо: келхин орчд - вместо того, чтобы говорить...* Но заменное Д. трудно назвать "вторичным" значением целевого Д. Заменное Д. обозначает действие, совершение которого является нежелательным и противопоставляется основному действию, положительному и приемлемому для субъекта: *Хооран цухрж ...укхәр, дэврәд укси деер* (посл.) - *Чем погибнуть отступая, лучше погибнуть наступая (в бою)*. Заменное Д., как и целевое, не принимает частиц притяжания и образует только простой оборот, т.е. имеет общий с основным действием субъект.

Уступительное Д. (-вчи, -вч) обозначает такое действие, вопреки которому совершается действие основного глагола: *Алтн кедү кевтвчи, виан зевдз уза* (посл.) - *Сколько бы ни лежало золото, оно не падает в цене*. Субъект действия в оборотах с уступит.Д. ставится в им. вин.п. Уступит.Д. не принимает притяжательных частиц, может сочетаться с препозитивной частицей отрицания эс "не".

Итак, обстоятельственные Д. выражают действия, с которыми основные действия, выраженные глаголом, находятся в определенных временных, причинно-следственных, условных, целевых и др. связях. Обозначая обстоятельственное действие, они служат для выражения таксиса: так, предшествование по отношению к основному действию выражают, как правило, усл., последоват. и предварит.Д.; следование - целевое, заменное и предельное Д., продолжительность - продолжит.Д. и одновременность - уступит.Д. Этим фактом обусловлен порядок рассмотрения образования, значения и функционирования об-

стоятельстванных Д.

В конце каждой главы и в **Заключении** излагаются основные выводы диссертации.

Основное содержание работы отражено в следующих публикациях:

1. О формах желательного наклонения калмыцкого языка и их семантике. - Вестник института, N 12, серия филологии. Элиста, 1975, с. 72-82.
2. Семантика форм настоящего времени в современном калмыцком языке. - Сб. Актуальные проблемы калмыцкой филологии. Элиста, 1979, с. 99-126.
3. Прошедшее результативное время в современном калмыцком языке. - Там же, с. 141-156.
4. Повелительное наклонение. - В кн.: Глагол и отглагольные формы в современном калмыцком языке. Элиста, 1979, с. 255-279.
5. Залог. - Грамматика калмыцкого языка, Элиста, 1983, с. 193-205.
6. Наклонение. - Там же, с. 205-234.
7. Деепричастие. Там же, с. 248-259.
8. Будущее время. - Сб. Вопросы калмыцкой филологии. Элиста, 1984, с. 50-63.
9. Глагольное словособразование в калмыцком языке. - Актуальные вопросы советской тюркологии. Всесоюзная тюркологическая конференция. Тезисы докладов. Ашхабад, 1985, с. 170-171.
10. Бадмин Б., Доран Р., Ченкалин А. Хальмг келн. 1 хув. Фонетик, морфолог. Дунд школын 5-6 гч класст дасх дегтр. Элст, 1984, 159 х.
11. Бадмин Б., Кенгин С., Доран Р. Хальмг келн. 5 гч класст дасх дегтр. Элст, 1990, 168 х.
12. Бадмин Б., Доран Р., Ченкалин А. Хальмг келн. 1 хув. Фонетик, морфолог. Дунд школын 6-7 гч класст дасх дегтр. Элст, 1991, 175 х.
13. Харчевникова Р.П. Система глагола в русском и калмыцком языках. Учебное пособие. Элиста, 1994. - 100 с.
14. Харчевникова Р.П. Система глагольных наклонений в современном калмыцком языке. Учебное пособие. Элиста, 1995. - 94 с.